

БОГДАН СУШИНСКИЙ

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Саблями крещенные

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Богдан Сушинский
Саблями крещенные

«ВЕЧЕ»

2012

Сушинский Б. И.

Саблями крещенные / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Время героев)

Последние бои во имя Франции казаки ведут уже тогда, когда сама Франция оказалась на грани гражданской войны из-за осложнившейся борьбы за власть между принцем Конде и его сторонниками с одной стороны, и кардиналом Мазарини и Анной Австрийской – с другой. Еще больше обостряется ситуация, когда в дела Парижа в лице папского нунция Барберини вмешивается Ватикан... Но завершается Тридцатилетняя война, а следовательно, заканчивается и французский поход казаков, остатки которых князь Гяур приводит в Украину, чтобы сразу же включиться в гражданскую войну в Речи Посполитой. Сюжетно этот роман является продолжением романа «Костры Фламандии».

© Сушинский Б. И., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	11
4	13
5	16
6	19
7	22
8	24
9	26
10	29
11	33
12	36
13	39
14	40
15	42
16	43
17	45
18	47
19	49
20	52
21	55
22	57
23	60
24	62
25	66
26	68
27	70
28	72
29	74
30	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Богдан Иванович Сушинский

Саблями крещенные

Часть первая

Коронный карлик

Четко определенная цель – вот то единственное, что способно удерживать нас в этом мире, даже когда уже ничто в нем не удерживает.

Автор

1

Это были ступени в никуда.

С трудом преодолев последнюю из них, король Владислав IV взошел на крошечную гранитную площадку, настолько отшлифованно скользкую, что, казалось, на ней просто невозможно будет удержаться, и замер. Теперь он почти упирался лицом в стремительно уходящую ввысь узкую стелу, в красновато-коричневых, словно забрызганных кровью, зеркалах которой багряно отражались лучи предзакатного солнца, едва заметные очертания туч и его собственный силуэт.

Король всмотрелся в пурпурно-лиловые прожилки стелы, в причудливые изгибы едва заметных трещин; в гранитную вязь этих, всяк на свой лад искрящихся, слюдяных зернышек, навечно впрессованных в тело скалы...

Он знал, что если несколько минут постоять вот так, напряженно всматриваясь в стелу, все эти линии и изгибы начнут превращаться в химерное сплетение таинственных линий, профилей и знаков, по которым еще древние волхвы полян, словно по линиям божественной ладони, читали судьбы своего племени, его вождей, их грозных и тайных замыслов.

Не зря же Скала Волхвов считалась местом погибельно таинственным, предками освященным и ими же проклятым. Еще во времена Стефана Батория, которого отец Владислава, король Сигизмунд III, с завистливой ненавистью называл «последним язычником польского трона», здесь правила свои обряды какая-то секта лесных мазовецких язычников. Пытались мазовчане предаваться своей ереси и при Сигизмунде, но боголюбивый католик-иезуит приказал всех оставшихся сектантов без лишней огласки изловить и здесь же, у подножия Скалы Волхвов, сжечь.

Однако искоренить эту пошлость ему тоже не удалось. Чтобы отвести от себя преследования, волхвы подобрали сектантов-смертников, готовых пожертвовать собой ради общего дела и святой веры. Они-то и были «изловлены» и преданы огню, после чего королю доложили, что секта истреблена. На самом же деле она отошла в еще более дремучие леса по ту сторону Вислы или же продолжала святотатствовать где-то в предгорьях Карпат.

Впрочем, Владислав IV не думал сейчас ни об отце и ни о волхвах-язычниках. Почти затаив дыхание, он стоял перед «кровоточащей раной земли польской», как именовалась в одной из летописей эта пресыщенная видениями скала, и не ощущал ничего, кроме первородного, почти утробного страха перед ней, перед крутизной подступающего к самым его ногам обрыва; перед... отступничеством, которое он совершил, нарушив запрет епископата, не позволяющий кому бы то ни было из католиков восходить на скалу.

Мельком осмотревшись, он вдруг ощутил головокружение, и к страху перед таинственностью Скалы Волхвов и церковным запретом добавилась обычная, с детства известная Владиславу муторная боязнь всякой высоты.

– Вам помочь, Ваше Величество?! – услышал он резкий, испуганный голос оставшегося внизу личного секретаря и телохранителя князя Ржевусского.

– Нельзя помочь тому, от кого ежечасно ждет помощи вся Польша, – негромко, ничуть не заботясь о том, чтобы слова его долетели до слуха князя, проговорил король.

Широко разбросав руки, словно ухватился за края похожей на лезвие широкого полянского меча, стелы, почти припав к ней челом, он молча уставился в багряную гладь камня. В круговерти представших перед ним вещей теней, Владислав IV четко улавливал дымы походных костров, лавину атакующей конницы, усеянное тысячами изрубленных людей поле битвы; огромное, от горизонта до горизонта, кладбище со множеством высоких каменных крестов...

Весь этот мир из прошлого и будущего непонятно почему возникал перед ним и непонятно куда исчезал, не пробуждая ни мысли, ни хотя бы догадки; не оставляя в душе ничего, кроме все того же, охватившего его на последней ступени «лестницы в никуда», страха.

Наконец все исчезло. Перед ним – обычная холодная поверхность, омертвевшая гладь камня. Еще какое-то время король озадаченно осматривал скалу, понимая, что судьба и в этот раз обманула его, так и не позволив увидеть что-либо из того, что ему предначертано, и познать что-либо из того, что до сих пор было скрыто от него Высшими Силами.

«Коронованный неудачник».

«Коронованное Ничто».

«Тень Стефана Батория... на затоптанном немощными ногами Сигизмунда III троне Речи Посполитой».

«Ржавые шведские ножны для затупленного меча Польши...»

Да, Владислав IV запоминал все эти оскорбительные прозвища и всевозможные определения. Не потому, что желал отомстить каждому произносящему их, хотя и такое не раз случалось: мстил, причем довольно жестоко, потому, что усматривал в них некую глубинную лють, позволявшую использовать ярлыки врагов, как раскаленное железо, которым выжигал собственную нерешительность и никчемность.

«Тень Стефана Батория... на затоптанном немощными ногами Сигизмунда III троне Польши». И это обо мне, Владиславе IV?! Неблагодарные, проклятые Богом твари...»

Самое страшное, чего он мог ожидать от своей судьбы – так это уйти из мира сего осмеянной тенью Великого Батория. Всего лишь жалкой тенью. Не оскорбительность молвы утешала и угнетала короля, а ее дьявольская несправедливость.

Все началось с отца. За годы своего бездарного правления фанатик-иезуит Сигизмунд III умудрился подорвать все те основы Великой Польши, которые были заложены Баторием; развеять прахом всю ее мощь, свести на нет все мирные договоры и все его реформы.

Это он, Сигизмунд, затеял и проиграл войну за шведский престол; он своей неуместной Брестской унией перессорил поляков с казаками и вообще с большей частью украинцев. Он, вступив в неравный союз с Филиппом II Испанским, нарушил «образцовый мир» с Турцией, с которой, благодаря этому миру, Польша не воевала почти целое столетие.

Это бездарный правитель Сигизмунд уступил значительную часть той территории и той славы, которые Баторий силой оружия вырвал у царя московитов Ивана Грозного и, при посредничестве папы римского, закрепил Запольским миром.

Владислав IV делал отчаянные попытки исправить положение. Но как же трудно осуществлять это, когда тебя считают не только жалкой тенью Стефана Батория, но и не менее жалким последователем Сигизмунда!

– Ваше Величество! – вновь окликнул его секретарь. – В Заречье прибыл коронный канцлер князь Оссолинский.

– Он уже... прибыл? – недоверчиво спросил король, и лишь теперь, как бы очнувшись от видений и раздумий, оглянулся.

Ротмистр Ржевусский стоял на склоне горы, не дойдя всего несколько ступеней до площадки. Поймав на себе взгляд короля, он вдруг опустился на левое колено. Возможно, только для того, чтобы побороть страх перед высотой и почувствовать себя увереннее. Многие чувствуют себя уверенно лишь до тех пор, пока стоят перед королем, причем стоят на коленях. Владиславу это тоже было известно.

– Он уже знает, что я здесь?

– Нет, Ваше Величество.

– И не должен знать этого.

– Конечно. Он ждет вас в Заречье. В замке графа. Вам помочь спуститься?

– Я скажу когда... Велите готовить карету.

2

Свет луны проникал через открытое окно замка со стороны реки и отражался в другом окне, ведущем в сторону леса.

Оголенные, они лежали под двумя лунами, озаренные их серебристым сиянием и очарованные таинственной, почти космической тишиной этой дивной, наполненной музыкой звезд ночи.

– А ведь на земле таких ночей не бывает. Там они невозможны. – Шелковистые волосы Лили покрыли разгоряченную грудь д'Артаньяна, а вздрагивающая, излучающая нежное тепло рука девушки неспешно блуждала по изгибам его шеи.

– Может, и бывают, баронесса, но только на земле об этом не догадываются.

– И никому еще там, на нашей грешной земле, не светило две луны, а в окна спальни не заглядывало два мира.

– Или же они попросту отучились видеть все это.

– Отучились видеть? Вот оно что... – ощущал он у себя на сердце теплое дыхание девушки. – Вы правы, граф. Конечно же вы правы.

Их широкая квадратная кровать размеренно покачивалась, подвешенная четырьмя цепями к потолку. Д'Артаньяну никогда еще не приходилось блаженствовать в таком ложе, напоминающем то ли огромную колыбель, то ли плывущий посреди ночного океана корабль.

Они не раскачивали этот корабль-колыбель; его мерные движения были подчинены каким-то неземным законам и вызывались к жизни той же волей, которая приводила в движение летевшие по небу звезды, пылающие грозовые тучи, возносила на небосвод луну и солнце.

Замок стоял посреди обрамленного крепостными стенами плато, и из окна его видна была лишь часть огромного, освещенного мерцающим звездным светом неба. Оно раскачивалось вместе с их «кораблем», унося все дальше и дальше в глубины Вселенной, как когда-то уносило челны викингов.

– Об одном лишь молю Бога: чтобы никогда не наступало утро, – полусонно прошептала Лили. – Вы ведь тоже боитесь его? Тоже молитесь небу, чтобы оно ниспослало нам вечную ночь?

– И вечную вас, Лили.

– Когда вы впервые появились в пансионе маркизы Дельпомас, я с ужасом подумала, что имею дело с обычным обольстителем. Даже не предполагала, что у нас все может сложиться настолько серьезно.

– Видит это небо, с двумя лунами в поднебесье, что до встречи с вами я был именно тем, о ком вы подумали с ужасом.

– Нет, вы действительно коварный обольститель, – бисером рассыпался по лунной дорожке завораживающий смех Лили. И сразу же таинственно заскрежетала стальная дверь сторожевой башни, расположенной рядом с их залом.

– Все спокойно, баронесса?! – донесся голос начальника охраны Отто Кобурга.

– Мы пока еще не в осаде, лейтенант.

– Пока еще нет, – бесстрастно согласился начальник охраны, – хотя в окрестностях замка бродит целая орда врагов.

– Вам не страшно в этом замке, Лили? – спросил д'Артаньян, когда дверь за Кобургом со страшным скрипом закрылась.

– Не скрою, иногда страшно. И в то же время... романтично. Он весь наполнен духами предков Вайнцгардтов. Разве вы не ощущаете этого?

– Кажется, начинаю ощущать...

Д'Артаньян прислушался к тишине зала и к пульсирующему дыханию Вселенной. Она права: весь замок, вся эта ночь находится во власти духов. Они здесь, они присутствуют при их поцелуях, завидуют их нежности.

- Иногда мне кажется, что замок – тоже живое существо, со своей памятью, своей душой.
- Очевидно, так оно и есть.
- В таком случае, он слышит нас.
- Не опасайтесь, замок – наш союзник.

По ту сторону реки, в небольшой полузатопленной рощице, пророчествовала, глядя на лунное небо, неожиданно прозревшая в своем птичьем инстинкте сова. Голос ее, как голос любой провидицы, был проникнут отчаянной тоской одиночества и безнадежности.

Прямо в окно, у которого лежали Шарль и Лили, неслась, рассыпаясь на мелкие созвездия, огромная комета, и двое влюбленных прижались друг к другу в таком мистическом страхе, словно вместе с небесной гостьей должна была догореть если не вся их жизнь, то уж, во всяком случае, их любовь.

- А ведь знаете, именно в этой постели я и была зачата, – неожиданно прошептала Лили.
- Невероятно, – улыбнулся д'Артаньян, осторожно снял голову баронессы со своей груди и, положив рядом с плечом, наклонился над ней.
- Это действительно кажется невероятным, а потому – святая правда.
- Но ведь здесь – не Саксония, насколько я смыслю в существующем перделе мира. Вы же всегда считали себя саксонкой.

– И продолжаю считать. Но так уж сложилось. Мои родители обвенчались в ближайшем городке и первые два года совместной жизни провели здесь, в замке Вайнцгардт. Поэтому-то я и была зачата на нашем Божественном Ложе.

- И мать призналась вам в этом?
- Что вы! Она была слишком нерешительной для того, чтобы откровенничать со мной на подобные темы. А я – слишком маленькой, чтобы провоцировать ее на подобные откровения. Она умерла очень рано.

- Простите, Лили. Мне тоже не следовало... провоцировать вас.
- И все же вам любопытно: откуда я знаю об этом? Каким образом открылась мне сия греховная тайна?

- В общем-то, да.
- Чувствую. Да-да, чувствую. Какое-то предчувствие, какой-то внутренний голос подсказывают, что зачатие мое происходило именно здесь, на этом ложе.

Д'Артаньян сдержанно, снисходительно рассмеялся. Ему так же не хотелось обидеть Лили, как не хотят обидеть неосторожным недоверием расфантазировавшегося ребенка.

– Разве такое невозможно чувствовать? – все же обиделась Лили. – Тем более что они действительно спали на нашем ложе. Это единственная комната, которая была отведена им.

– Тогда – конечно, тогда можно не сомневаться, – вновь едва заметно улыбнулся д'Артаньян. Признавая ее правоту, он не знал теперь, какие же почести отдавать этому ложу.

– Так что мне совершенно не страшно, если то же самое произойдет здесь и со мной. Если я вдруг зачну.

- Но, баронесса!..
- Не пугайтесь, мой храбрый мушкетер. Мой женский, материнский крест никоим образом вас не обременит.
- Но это в самом деле слишком серьезно.
- Я уже все решила для себя и ясно осознаю: мне совершенно не страшно.
- Жизнь не кончается этой ночью, Лили. Вы понимаете меня?

– Возможно, что и понимаю, Шарль, – прижалась к нему девушка, обхватывая руками шею. И в то же мгновение д'Артаньян ощутил жар ее пылающих ног. – И все же вам лучше самому объяснить, почему вы решили выразиться именно так, граф.

– Только потому, что обязан напомнить вам о коротком девичьем веке.

– Наверное, я обязана была удовлетвориться таким ответом. Тем не менее зачем вы сказали это, д'Артаньян?! – почти с горечью воскликнула она. – В такие ночи подобные слова не произносятся.

«Вам-то откуда знать? – хотелось поинтересоваться д'Артаньяну. Теперь он понял, что происходит: он слишком взрослый, слишком многоопытен, чтобы ощущать ту же пьянящую сладость ночи, которую ощущает сейчас баронесса Лили. – Ты слишком трезв и рассудителен для этой ночи, освещенной двумя ослепительными лунами девичьей груди, мушкетер. Непростительно трезв и столь же непростительно рассудителен».

И это было последнее, что, пока еще трезвое и разумное, пришло ему в голову в эту всепоглощающую ночь любви.

3

Осторожно ступая, ротмистр медленно спускался вниз. Любой неуверенный шаг грозил тем, что остаток пути он мог скатиться, пересчитывая ступени ребрами и позвоночником. Глядя на него, Владислав на минутку представил себе, с каким трудом и страхом придется преодолевать это расстояние ему самому.

Но ведь Стефан Баторий поднимался сюда множество раз. Говорят, что он тайно появлялся у Скалы перед каждым походом, перед тем, как принять любое важное решение. Что влекло его сюда? Вера в магическую силу Скалы Волхвов? Возрождающийся здесь дух великих предков? Провидческая сила гадания на каменных линиях судьбы? Знать бы...

В том-то и дело: Владислав IV потому ни разу и не навещался сюда, что здесь часто бывал Стефан Баторий. Увековеченный молвой как «тень Батория», он панически побаивался прибегать к чему-либо такому, что позволило бы его недоброжелателям хоть на мгновение заподозрить своего короля в подражании Стефану. Иногда Владиславу казалось: само подзрение в том, что он собирается повторить какой-либо дипломатический шаг Батория, вызывала у некоторых шляхтичей – особенно из рода Замойских¹, мстительную ненависть к нему. Видимо, им не давали покоя лавры опального сандомирского воеводы Зебржидовского, осмелившегося на невиданный по тем временам шаг – объявить, что он не только не подчиняется королю Сигизмунду, но и считает Польшу «королевством, не имеющим короля»².

Похоже, что статус «бескоролевья» очень уж понравился всем этим Жолкевским, Острожским, Любомирским, Потоцким, Сапегам...

Чтобы как-то отвлечься от горьких раздумий, король вновь попытался найти успокоение в окрестных пейзажах.

Справа от Скалы Волхвов открывались подступающие к суровым стенам речного каньона, окаймленные лесом и изгибом реки заливные луга, которыми король мог любоваться отсюда, словно с высоты птичьего полета. Слева, за глубоким ущельем, желтела поросшая ельником гряда высоких холмов. А прямо под нижним ярусом скалы, который и стал первой ступенью этой «лестницы, ведущей в никуда», отливало голубизной небольшое озерцо, черпающее силы из трех соединенных друг с другом родничков.

Овал поросшей мхом плиты, лежащей в основе этого яруса, указывал на почти невидимую теперь потайную тропу – единственный путь, который приводил к этому святому месту язычников через густые заросли сосняка и растерзанные, заполненные водой овраги.

Владислав IV еще раз осмотрел окрестности Скалы Волхвов и вдруг поймал себя на том, что совершенно не ощущает боязни высоты. Страх неожиданно прошел, уступив место то ли еще неосознанной и ни на что конкретно не направленной решимости, то ли столь знакомой обреченности. В любом случае, это сразу же приободрило короля.

Стефан Баторий приезжал сюда, – мысленно вернулся он к великому предшественнику, – поднимался на Скалу Волхвов и каждый раз почти около часа простаивал на ней – сначала лицом к Стене Духов, затем – к Пути Предков, как называли ведущую сюда тропу. Что он думал при этом? Какие помыслы овладевали им, какие страсти рождались в его душе? Теперь

¹ При короле Стефане Батории один из наиболее известных представителей этого рода, Ян Замойский, был великим канцлером и коронным гетманом Польши. Он же слыл и ближайшим советником короля, одним из его лучших полководцев. Служил Ян Замойский и королю Сигизмунду III, однако неуживчивый и недалевидный Сигизмунд сумел нажить себе врага и в лице этого деятеля.

² Сандомирский воевода Зебржидовский был возмущен политикой короля Сигизмунда, умудрившего начать три войны – против Швеции, Турции и Московии, а также обещанием, которое Сигизмунд дал австрийскому императору: в благодарность за то, что тот позволил ему жениться на австрийской эрцгерцогине Анне, еще при своей жизни уступить Польшу Австрии. Это совершенно справедливо было расценено сеймом и многими польскими патриотами как откровенное, циничное предательство интересов Польши. Конфликт с королем привел к тому, что воевода отказался подчиняться ему.

этого не знал и не мог знать уже никто. Как никто не узнает истинных помыслов, с которыми поднимался сюда он, Владислав IV.

Тем более что лишь немногие поверят в то, что он вообще навещался к Скале Волхвов. Для всех оставшихся в Варшаве приближенных он отбыл в Краков. Для тех же, кто запомнит, какой крюк решил проделать король, отправляясь в свою краковскую резиденцию, он навестил графа Оржевского в его небольшом замке в Заречье, где граф залечивал рану, полученную в стычке с казаками во время недавнего усмирительного похода на Украину.

Правда, в Заречье томится отозванный уже с пути коронный канцлер Оссолинский. Но уж он-то будет помалкивать.

В конце Пути Предков короля поджидала карета. Но с куда большим нетерпением ждала своего короля раскинувшаяся на все четыре стороны от Скалы Волхвов Польша.

Впрочем, Польша ждала не его. С замиранием сердца и с молитвами, обращенными ко всем сущим на небе богам, она ждала появления нового Батория.

Нового талантливого полководца и мудрого правителя, нового Стефана Батория – вот кого ждала сейчас его истерзанная Польша!

Опустившись перед Стеной Духов на колени, Владислав IV униженно плакал.

4

Они стояли на вершине холма, и невысокие кроны деревьев, плотно подпираемые густым, еще не опавшим кустарником, скрывали их от глаз испанцев.

– Нам повезло, – самодовольно проговорил полковник д’Орден, не отрываясь от подзорной трубы. – На редкость повезло. Сейчас они откроют огонь по деревеньке и посту наших пехотинцев, а затем, под прикрытием орудий, начнут высаживать десант.

Д’Орден говорил все это таким тоном, словно весь план высадки испанского десанта, как и вообще вся эта совершенно не известная раньше тактика ведения «прибрежной войны», разработаны лично им.

Этот высокий худощавый полковник, которому уже давно перевалило за пятьдесят, впервые познакомился с Сирко и Гяуром еще в те времена, когда возглавлял эскорт, сопровождавший украинских полковников до порта Кале после их переговоров с принцем де Конде; к тому же он немного владел польским. Все это и учел главнокомандующий, решая, кого из офицеров своего штаба следует прикомандировать к корпусу казаков.

– Теперь в этом уже можно не сомневаться, – согласился Сирко, выслушав сказанное д’Орденем в неспешном переводе князя Гяура. – Прекрасная тактика. Любопытная. В принципе, все неплохо придумано.

Полковник произносил эти слова, размышляя вовсе не о том, что происходило сейчас на берегу, у небольшого рыбацкого поселка неподалеку от Дюнкерка. Ему виделся... Крым. Чудились каменистый береговой излом в окрестностях Кафы, песчаные отмели Козлова ³...

Полковник оторвался от подзорной трубы и осуждающе взглянул на Сирко, давая понять, что совершенно не разделяет его восхищения. Д’Орден не забывал, что перед ним офицеры-наемники, которые за ту же плату могли так же храбро воевать и на стороне испанцев. Разве совсем недавно их собратья не геройствовали на стороне австрийцев?

– Вы согласны с ним? – обратился полковник к Гяуру.

– Доводы слишком убедительны, – указал тот рукой на три дрейфующих у побережья корабля, от каждого из которых уже отчаливали баркасы.

– Можете передать свое восхищение испанскому командору, господа, – почти обиженно ухмыльнулся полковник д’Орден, вновь поднося к глазам подзорную трубу.

– При первом же случае, – вежливо заверил его князь.

Паруса кораблей вспыхивали пунцовым пламенем предзакатной зари, отблески которого озаряли свинцово-зеленую гладь моря. Еще не прозвучало ни одного выстрела, однако грозно вставшие в горизонт абрисы разбросанных по заливу флагманского галеона испанцев фрегата и брига ⁴ уже самым присутствием своим накаляли штилевую тишь прибрежного моря, порождая тревожные предчувствия у каждого, кто наблюдал сейчас эту картину.

– Сколько орудий может быть на галеоне, полковник? – спросил Сирко у д’Ордена, считая, что тот уже достаточно успокоился, чтобы не ревновать его и Гяура к испанцам. Полковник сам дал определение класса кораблей рейдерной эскадры, и теперь к нему обращались, как к знатоку.

– Думаю, не менее шестидесяти. Судя по тому, что у него четыре мачты.

– Достойный противник.

³ Современный город Евпатория в Крыму.

⁴ Галеон – большое парусное трех-четырёхмачтовое судно, имевшее на своем вооружении до 80-ти орудий. Фрегат – трехмачтовый корабль, считавшийся наиболее быстроходным из всех военных судов. Бриг – двухмачтовое судно, с прямым парусным вооружением и косым гафельным парусом на кормовой мачте.

Словно подтверждая его слова, галеон огласил побережье и поселок на двадцать дворов таким мощным залпом своих орудий, будто сокрушал неприступную крепость. Флагмана сразу же поддержал фрегат. Предоставив ему расправляться с небольшим, наспех возведенным фортом – бревенчатой оградой, земляной насыпью и окопами, фрегат усеял ядрами подступающую к форту окраину поселка, преграждая путь к нему подкреплению и не давая гарнизону возможности отступить.

Бриг в это время медленно приближался к берегу, как бы прикрывая своими бортами несколько баркасов с десантом. Его капитан вел себя так, словно бы и сам собирался высаживать солдат прямо с борта, на мелководе. Этого он, естественно, не сделал, зато прицельно ударил из орудий прямо по форту, поддерживая уже высадившихся на берег пехотинцев жидковатым огненным валом и готовясь, в случае неудачи, первым принять их на борт.

– Пора бросать в бой казаков, – нервно напомнил д'Орден, когда восточнее и западнее форта, гарнизон которого составляла лишь поредевшая рота, начали высаживаться первые десятки «прибрежных корсаров», как теперь их называли во Фламандии ⁵, – иначе им придется не оборонять форт, а штурмовать его.

Залпы всех трех кораблей слились теперь воедино, и холм, на котором находился форт, словно бы взлетел на воздух. Султаны взрывов уничтожали все, над чем успели потрудиться здесь не только люди, но и природа.

– В этом уже нет необходимости, – спокойно обронил Сирко, попыхивая короткой трубкой с прямым вишневым мундштуком. Прищурившись, он по-ястребиному всматривался в даль, совершенно забыв при этом о подзорной трубе. – Гарнизон успешно отходит к лесу.

– Это бегут всего лишь несколько солдат. Кучка трусов. Остальные сражаются. Им не дадут возможности отойти. Смотрите, над фортом все еще развевается французский флаг!

– Разве что флаг, – невозмутимо согласился Сирко. Даже у Гяура закралось подозрение, что сейчас казачьему полковнику совершенно безразлично, что произойдет с оборонявшимися на этом небольшом приморском взгорье воинами.

– Князь, – кивнул тем временем Сирко в сторону форта. – Два полуэскадрона. Редкой цепью, иначе канониры выкосят вас орудийными залпами. И на татарский манер: «Алла, алла!» Да погромче.

Гяур оглянулся на стоявших позади него ротмистров Улича и Хозара. Те молча повернулись и бросились по склону к своим лошадям. Им не нужно было объяснять, что Сирко имел в виду, требуя атаки «на татарский манер». Когда они с гиком, свистом и улюлюканьем неслись по равнине, каждый с копьем в левой руке и саблей в правой, – на молчаливых, больше привыкших к рыцарским турнирам, нежели к настоящей азиатской сече, испанцев это производило должное впечатление.

Еще через несколько минут две полусотни казаков под их командованием, с разных сторон обогнув лесистую возвышенность, за которой они ждали своего часа, понеслись к побережью, делая вид, что пытаются отсечь испанцев от баркасов. Хотя сил для этого у них было явно недостаточно. Еще одна полусотня – но уже французских драгун – нацелилась прямо на форт, вбрав в себя с десятков оставивших укрепление конных и пеших солдат гарнизона.

Поняв, что на равнине противостоять этим, неведь откуда появившимся и неведь какой армии принадлежащим кавалеристам они не смогут, прибрежные корсары не стали упорствовать и, оставив подступы к форту, во всю прыть понеслись назад, к утесам и скалам, к спасительным баркасам. Уцелевшие солдаты гарнизона выстрелили им вслед из единственного оставшегося орудия. Но ответом им стали мощные залпы галеона и фрегата. В то время как

⁵ Фламандия (официальное название – Фландрия) – историческая область, территории которой входят ныне в состав Франции, Бельгии и Нидерландов. Автор использует то, исконное название, которое определило все основные понятия, связанные с этим краем, – «фламандцы», «фламандский язык», «фламандская живопись»...

бриг сразу же ударил по кавалеристам, поддержав группу стрелков, оставленных для охраны баркасов.

В азарте атаки некоторые всадники врывались на мелководье и пытались догонять лодки прибрежных корсаров. Их порыв испанцы приветствовали выстрелами и насмешками.

– Уводите своих людей с побережья! – метался Гяур у подножия холма, на котором высился форт. – Улич! Хозар! Вы слышали мой приказ?

– Слышали! Уводим! – послышался ответ Хозара.

– Лейтенант?! – перехватил Гяур за узду лошадь командира французского полуэскадрона. – Вы что, не понимаете, что корабельные орудия растерзают ваших драгун?

– Что вы предлагаете? – горделиво спросил кавалерист. – Позорно бежать от этих трусливых идальго?

– Деликатно спрячьте их за холмы! Этого будет достаточно.

Ядро упало в нескольких метрах от них, вышвырнув из седел сразу троих французов. Взрыв его осыпал головы Гяура и лейтенанта пылью, словно пеплом.

– Вы правы, полковник, – великодушно согласился командир драгун, проследив, как второе ядро вспахало склон возвышенности. – Вся эта суeta под стволами орудий совершенно бессмысленна.

5

Новый, лишь пять лет назад возведенный немецкими мастерами на берегу неприметной речушки, замок графа Оржевского был выстроен по всем канонам прусского фортификационного искусства – с узкими толстостенными бойницами, мрачными крытыми переходами, двухэтажным каменным подземельем и опоясанным галереями внутренним двором. Северная часть этого двора, отгороженная ажурными каменными арками, служила своеобразной ареной, на которой Оржевский, как в старые добрые времена, устраивал рыцарские турниры, которые сам он предпочитал называть «поединками чести».

В большинстве случаев это были обычные тренировочные схватки, в которых не раз принимал участие и сам граф, славившийся первоклассным фехтовальщиком и непревзойденным рубаккой, но любому другому оружию предпочитавший теперь уже вышедшую из моды боевую секиру. Однако случалось, что специально для гостей он выпускал захваченных в плен воинов – шведов или германцев. Пробовал даже казаков, но те отказывались драться «на потеху ляху», предпочитая быть посаженными на кол, чем поднять руку на единоверного брата-запорожца.

– Обратите внимание, князь, на того воина, что невозмутимо стоит слева от нас. Это германский рыцарь Керлоф. Я специально нанял его, чтобы время от времени вспоминать, как следует держать в руках саблю или секиру.

– Знаменитый гладиатор графа Оржевского, – сдержанно кивнул Оссолинский, не отводя взгляда от огромной фигуры саксонца, облаченного в серебристый панцирь и прикрытого красным прямоугольным щитом. – Слышал о нем, слышал...

– Потомок знатного рыцаря-тевтонца. Сражаясь с ним, я и сам чувствую себя воином князя Витовта на Грюнвальдском поле.

– Только не вспоминайте здесь о Грюнвальдском поле... – с романтической грустинкой в голосе возмутился коронный канцлер. – В памяти его следует возрождать не на турнирных аренах, и совсем по другому поводу.

Холеное, слегка лоснящееся белесое лицо Оссолинского еще только вспахивалось первыми бороздами морщин. Однако этот плуг лет и горечи врезался в его тело основательно. И, судя по всему, безжалостно.

Тем временем воины – саксонец и поляк – сошлись и, вслед за жестами приветствия, обменялись первыми ударами секир. Однако сразу же чувствовалось, что удары были несильными и показательно меланхоличными. Воины понимали, что должны не побеждать, а... развлекать, к тому же они совершенно не ощущали друг к другу ни откровенной вражды, ни скрытого соперничества.

Оссолинский взглянул на спускающийся за квадрат двора небольшой, занавешенный черновато-багряной тучкой, полукруг солнца. Он зря терял время, которое мог посвятить куда более важным делам, нежели созерцание этого «петушиного» боя. Два часа тому граф под большим секретом сообщил ему, что король отправился на поиски Скалы Волхвов, то есть ступил на легендарную «тропу Стефана Батория». Оссолинский тотчас же попросил послать к монарху гонца, который бы уведомил о его, канцлера, прибытии. Однако время шло, а – ни гонца, ни короля.

Двое слуг графа принесли небольшой столик, удачно помещавшийся в специально предназначенной для него нише, в галерее между канцлером и Оржевским, и поставили на него кувшин с вином и поднос с небольшими кусками жареной говядины.

Резко потянувшись к наполненному бокалу, граф вдруг прервал движение и болезненно схватился за левое предплечье. Канцлер уже знал, что, скрытая под широким рукавом куртки рана эта, доставшаяся ему вместе со стрелой ошалевшего от атаки татарина, кровоточила, гно-

илась и причиняла Оржевскому душевные и физические страдания. Однако все что он мог сделать для старого рубаки, так это – сочувственно взглянуть на него.

– Чертов немец-лекарь твердит, что придется вскрывать эту рану еще раз, – почти простонал граф. – Стрела оказалась то ли отравленной, то ли просто вымоченной бог знает в чем. А полковой лекарь, который вытаскивал ее, не догадался сразу же прижечь рану каленой сталью.

– Если вы не доверяете своему лекарю-иностранцу, советую обратиться к знахарям из ближайшего монастыря.

– Кажется, я уже не доверяю даже своему ангелу-хранителю. А поменять его – не в моей воле.

– В таком случае – за раны, полученные в боях с врагами Польши, а не на тевтонских турнирах-игрищах, – мрачно произнес Оссолинский тот единственный тост, который нашептан был в эти минуты его собственным ангелом-хранителем или кем-то из небесных покровителей воинов. – Будьте же мужественны, граф!

– За раны во имя отчизны, – с ритуальной торжественностью поддержал его Оржевский.

Граф, очевидно, не догадывался, что Оссолинскому уже известно то, что от него, Оржевского, все еще пытались скрывать здесь, в замке, что лекарь побаивается, как бы не пришлось вообще отнимать всю руку, по плечо. А ему это приходилось делать уже не один раз, спасая от верной смерти знатных воинов своей Саксонии.

Выпили. Оссолинский мельком взглянул на бледное лицо графа. Ему не было еще и сорока; для воина, особенно для командира полка, в качестве которого владелец замка выступал во время последнего похода против крымской орды, это самый зрелый возраст. И вдруг – эта нелепая отметина степного скитальца! А ведь граф даже не пытался скрывать, что видит себя в будущем в ипостаси ведущего полководца Речи Посполитой.

Канцлер незаметно, но внимательно присматривался к отчетливым, хотя и немного искаженным татарской кровью кого-то из предков, чертам скуластого лица графа, в котором польского было не больше, чем в его, из прусского сукна и на прусский манер сшитом мундире. Храбрый воин, мечтавший если не о чине коронного, то уж, во всяком случае, о власти польного гетмана и никогда не стыдившийся своих полководческих амбиций, Оржевский и замок свой возводил, хотя и вдалеке от военных дорог, но с расчетом на то, что когда-нибудь он станет резиденцией одного из известнейших аристократов и воителей Польши.

– Я вижу, вас совершенно не интересует этот турнир, – с легкой досадой заметил Оржевский, когда, во второй раз осушив кубки с вином, они принялись за еду. Мясо было полито острой турецкой приправой, и, как показалось Оссолинскому, прежде чем пожарить, повар не поленился основательно повялить его на солнце, как это делают татары. Обжарка лишь придавала видимость того, что перед ними блюдо, приготовленное по-польски.

– Спасибо вам, граф, за эту потеху. Но сейчас мне больше приходится следить за кровавыми турнирами тех польских рыцарей, которые стоят на южных рубежах Речи Посполитой и все еще надеются на решительность короля, а значит, на новые гусарские полки, на артиллерию германских наемников, на большой поход в крымские степи.

«А ведь он явно пытается заручиться моей поддержкой на сейме, – безошибочно определил смысл этого старания канцлера Оржевский. – Оно и понятно. Тем более что спасения от орды ждут все. В своих грабительских походах татары до такой степени обнаглели, что никто из аристократов, ни в какой части Польши и ни за какими замками уже не может чувствовать себя защищенным».

– Эй, вы, – тотчас же обратился к секирникам. – Убирайтесь к черту! Разве это бой? Ничего, кроме стыда. Я приведу сюда пленных и устрою настоящий бой гладиаторов, а вас заставлю просить милостыню по окрестным деревням!

Воины охотно опустили секиры и щиты и, кланяясь, попятились к узкой двери, из которой несколько минут назад появились. Угрозы владельца замка их уже не пугали, они знали, что тот болен, и вскоре ему уже будет не до них и не до турниров.

– Все не так, – раздраженно проворчал граф, болезненно морщась. – Стены не те, турниры не те. Вернулся с этого дьявольского похода, а здесь все не так, как думалось. Все не по духу моему. Господи, скорее бы снова в поход! Эти стены смотрят на меня своими бойницами, как на заживо замурованного узника.

– Обычная ностальгия воина, привыкшего значительную часть своей жизни проводить в боевом седле, – попытался умиротворить его канцлер. – Совсем недавно такие же душевные метания мне пришлось наблюдать у одного отставного адмирала, который чувствует себя на берегу, как выброшенная на берег дырявая шляпка. Единственное, что я мог сказать ему, – что все мы подвержены штормам жизни и все рано или поздно оказываемся выброшенными на берег.

– Все мы напоминаем себе разбитые челны, – согласился с ним полковник Оржевский. – Еще вина?

– Достаточно, – резко осадил его канцлер. – Увы, наступают такие моменты, когда из божьей благодати винопитие неожиданно превращается в бессмысленное самоистязание.

– Согласен, очевидно, так оно и есть. В любом случае я ненадолго оставлю вас, – проникся настроением гостя Оржевский. – Может, прислать молодую дворянку, местную гетеру? Здесь у меня появилась одна...

– Вас ждет лекарь, – вновь грубовато прервал его коронный канцлер.

– Сто лет не видать бы его, – проворчал граф, обиженно отведя взгляд. К необходимости видаться с доктором добавлялась обида на гостя. Не прошло и часа, как канцлер появился в его замке, а уже ведет себя как хозяин.

«Как канцлер, – уточнил граф, считая нужным напомнить себе, что Оссолинский все же канцлер, а он, Оржевский, – обедневший, вложивший почти все свое состояние в башни этого замка, теперь уже мелкопоместный шляхтич. Первый в жизни и, возможно, последний военных поход, на который он возлагал столько надежд, не принес ему ничего, кроме сатанинской горести поражения, раны и мук. – Не завидуй, а достигай большего – вот, что тебе стоит начертать на своем родовом гербе».

6

Оставшись в одиночестве, Оссолинский откинулся на спинку кресла и еще какое-то время молчаливо созерцал опустевшую арену, словно ожидал появления новой пары доморощенных гладиаторов Оржевского.

«Значит, король все-таки отправился к Скале Волхвов, – вспомнилось ему. – С чего вдруг? Почувствовал свою близкую кончину? Впал в неверие в свои силы? Или, может, просто потянуло к ритуальным местам Стефана Батория, в надежде, что они приведут его к собственному величию?»

Для Оссолинского не было секретом, что в последнее время Владислав IV то и дело вспоминает о Стефане, а на книжном столике его, вместо Библии, теперь постоянно лежит хроника времен Батория. Коронного канцлера это новое увлечение короля и радовало, и временами настораживало. Совершенно очевидно, что Владиславу давно следовало обратиться к реформам своего кумира, изучить все то, что было задумано им. Но в то же время Оссолинский ясно отдавал себе отчет, что и ситуация не та, и силы короля не те. А главное – король явно упустил годы, отведенные ему Господом и для ратных дел, и для хитроумных дипломатических реверансов.

«Так что же он собирается предпринять сейчас?» – вот вопрос, которым задавался теперь князь Оссолинский. Все более или менее значительное, что предпринималось Владиславом в течение двух последних лет, канцлер воспринимал с припудренной вежливым многотерпением досадой, с какой, собственно, и надлежит воспринимать неудачи короля его коронному канцлеру. Понимал: все не так, все не вовремя, все вопреки сейму. Но что оставалось делать? Откровенно бунтовать против короля? Лишить слабеющего, растерявшегося монарха последней более или менее значимой поддержки при дворе и во всем королевстве? Но тогда это означало бы предать своего покровителя. А он, князь Оссолинский, не из тех, кто предает – будь то в бою или во время схватки в сейме.

Канцлер метнул взгляд влево и увидел, что граф то ли слишком поспешно вернулся, то ли по существу вовсе не уходил.

– Я не лекарь, граф Оржевский, – обронил он, исподлобья рассматривая возникшего перед ним владельца замка. Оссолинский не любил, когда так беспардонно вторгались в его размышления. – Чего вы тянете с визитом к тому, кто в эти дни куда нужнее меня?

– Визит подождет. Как и моя рана. Собственно, с лекарем я уже встретился. Только что я услышал от него, что...

– ...Что король тяжело болен? Вы открываете мне это, граф, как великую тайну королевства.

Оссолинскому было уже за пятьдесят. Бледное, худощавое лицо его обрамляли спадающие на плечи густые седые волосы. И только шрам на правой скуле разрушал в нем самой природой созданный образ священника или благочестивого книжника-монаха. Однако при дворе Владислава IV был хорошо известен недоверчиво-пристальный, тяжелый взгляд канцлера, мрачно окрашенный его каким-то особым, ухищренным молчанием. Взгляд, становившийся невыносимым для представшего перед ним человека, словно пытка холодной водой на крещенском морозе.

– Это не тайна, господин канцлер, – скрежеща зубами, разминал свое пылающее огнем предплечье Оржевский. – Как и то, что после гибели сына король остался без наследника. Мы, конечно, не будем разъятривать отцовское горе Владислава, но все же...

– Отцовское горе всей Польши, – тотчас же уточнил канцлер. – И мне это гораздо яснее, чем вам, граф.

Оржевский промолчал. Костер в предплечье разгорался. Убедившись, что граф не намерен отдаваться в его руки, словно в руки палача, доктор сразу же заторопился с поездкой в соседнее имение, к ее вечно болеющей хозяйке. Правда, при этом он заверил, что через час-другой обязательно вернется сюда, но полковнику показалось, что доктор и сам не очень-то настроен встречаться с ним, и делает все возможное, чтобы отсрочить самый важный для них обоих разговор.

Впрочем, общение с канцлером тоже почему-то не складывалось, такой уж, наверное, выдался день. Однако Оржевскому очень хотелось воспользоваться присутствием одного из ближайших к престолу лиц королевства. Да, полковник знал, что является неважным собеседником и слишком заурядным политиком. Но, как влиятельнейший человек своего края – граф, сенатор, полковник, наконец, какой-никакой землевладелец, – он имел право обсуждать проблему наследника трона хоть с канцлером, а хоть с самим королем. И страстно желал воспользоваться такой возможностью.

– Не при вас будь сказано, господин канцлер, – попытался возобновить этот важный для себя разговор сенатор, – однако мыслю, что самое время основать новую династию правителей, более патриотически настроенную, преданную идее «великой Польши от моря до моря»; и вообще, со свежей, истинно польской кровью.

– И вы готовы назвать имя основателя этой новой, патриотической династии? – поинтересовался канцлер со свойственным ему чувством дипломатической иронии.

– Разве такая династия не могла бы быть основана древним княжеским родом Оссолинских?

– Это вопрос, а не утверждение, сенатор.

– Но есть ли сейчас в Варшаве, Кракове или в Торуне еще кто-либо, столь сведущий в государственных делах, как коронный канцлер? Во всяком случае, канцлер сам имеет право определять, какой из претендентов на польский трон наиболее важен для трона.

Оссолинский въедливо, но снисходительно рассмеялся.

– Понимаю, граф: выстроив себе такой тевтонский замок, – обвел он рукой мощные серые стены, – поневоле начнешь подумывать не только о титуле маркграфа, но и зариться на трон.

– Господь с вами! Об этом и речи не было, ваша светлость, – высокомерно возмутился Оржевский, поражаясь беспардонной откровенности канцлера.

– Не волнуйтесь, полковник. О своих беседах с влиятельными людьми Польши я королю не докладываю. Если только в результате их не требует вмешательства Его Величества, – успокоил графа коронный канцлер. – У меня достаточно власти, чтобы самому решить, кто чего стоит и достоин.

– Пока... достаточно, – мстительно уточнил Оржевский. – Увы, канцлеры уходят вместе с королями.

– Именно об этом я и хотел напомнить вам, граф, – принял вызов Оссолинский, – канцлеры действительно уходят вместе с королями. Как правило. В этом проявляется их верность королю и отчизне. Поэтому не пытайтесь превращать свой замок в гнездо заговорщиков. Как разрушать такие гнезда, мы с королем уже знаем, научились.

Оржевский взглянул на канцлера не со страхом, а с искренним удивлением. Ему трудно было понять Оссолинского. Граф знал, сколь искусен канцлер в дипломатии и как осторожно прибегал к резким высказываниям, а еще реже и осторожнее – к демонстрации откровенной вражды. Тогда в чем дело? Что должно было произойти на сей раз, чтобы он решился дерзить владельцу замка, в котором принят с таким гостеприимством?!

– Объясните, пожалуйста, князь Оссолинский, – потребовал полковник таким тоном, словно решил вызвать его на дуэль.

– Это нетрудно, – вдруг услышал полковник позади себя чей-то нахрапистый самоуверенный бас. – Мало того, я сам могу объясниться вместо канцлера. Не скажете ли, досточтимый граф, как звали иезуита, посетившего ваш замок всего за два часа до появления в нем короля?

Оглянувшись, Оржевский увидел приземистого полнолицего господина, одетого в костюм из черного сукна, дополненный обвернутым вокруг шеи черным шарфом. Графу никогда не приходилось видеть этого чиновника ни у себя в замке, ни вообще в Польше. Однако ему достаточно было взглянуть на этого «черного человека», чтобы, вспомнив описания и распространяемые по Варшаве легенды, понять: перед ним и есть тот самый тайный советник канцлера – Коронный Карлик.

– Я не знаю, о каком визите короля идет речь. Но заявляю, что не обязан извещать вас о появлении в своем замке ни короля, ни кого бы то ни было из странствующих нищих или монахов, постучавшихся в ворота моего замка в поисках приюта и подаяния. И вообще, представьтесь.

Коронный Карлик стоял, покачиваясь на носках, и с нескрываемым интересом рассматривал графа. Это был взгляд следователя по особым поручениям, прикидывавшего, сколь долго сможет продержаться на своем спесивом гоноре его очередная жертва.

– Приют и подаяние, говорите? Слезу пустить и высморкаться? Напомню, что у вас, полковник, как и у короля, тоже нет наследника. А замок новый, под старину, в лучших замково-крепостных традициях старой польской шляхты.

– На что вы намекаете? – побагровел Оржевский. – Еще слово, и я прикажу...

– ...И вы прикажете своим привратникам немедленно открыть ворота и даже лично спуститесь к ним, поскольку к вашему замку приближается король, вашмосць, граф Оржевский.

– Король?!

– Король, король, вашмосць, – с явной издевкой повторил Коронный Карлик, все еще покачиваясь на носках. Не потому, что хотелось казаться выше, чем ему отведено было Богом. Просто давняя привычка. – Или, может быть, появлению в своих владениях короля вы не рады точно так же, как и появлению моей скромной персоны?

– Если бы я знал, что, как гонец, вы принесли столь важную весть...

– Вы встретили бы меня любезнее? Сомневаюсь. В любом случае, пусть вам не кажется, что на этом наш обмен любезностями закончен.

7

Как только испанские рейдеры ушли, Сирко, Гяур и д'Орден осмотрели руины укрепления. То, что еще несколько минут назад выглядело грозным фортom, теперь напоминало развороченный снарядами госпиталь.

Раненный в руку комендант форта лейтенант Ружен сидел, привалившись спиной к стене полуразрушенного блокауза, у северных ворот, и мужественно пытался сдерживать стон. Пока санитар перевязывал ему руку, комендант несколько раз отгонял его от себя, чтобы получить возможность лучше видеть казаков и д'Ордена, а главное, чтобы сами полковники могли лучше рассмотреть его рану.

Судя по всему, во время атаки лейтенант собирался покинуть укрепление, но осколок настиг его в самый неподходящий момент. Зато теперь в глазах полковников он выглядел героем, оставшимся с горсточкой солдат, которые не только не сдались, но даже умудрились отбить рукопашную атаку прибрежных корсаров. Каким-то совершенно невероятным образом, но отбить.

– Но ведь у вас было столько войск, господи! – с возмущением крикнул комендант, когда д'Орден и его спутники приблизились к нему. Смуглое лицо лейтенанта было испачкано замешанной на поту глиной, но от этого казалось еще более благородным.

– Только не преувеличивайте их численность, – упредил его д'Орден.

– Уменьшать тоже не собираюсь, – порывисто парировал комендант. – Почему вы сразу же не подвели их к форту?!

– Вам грустно в этой скорбной компании? – обвел взглядом разбросанные по всему форту, истерзанные взрывами тела солдат князь Гяур. – Хочется, чтобы тел было вдвое больше?

– Но, увидев ваше войско, испанцы попросту не решились бы высаживаться.

– Согласен, не решились бы. Потому что в этом не было бы необходимости. Мы стояли бы у форта такой плотной лошадино-людской массой, что ни одно ядро, выпущенное испанскими бомбардирами, не пропало бы зря. Так что смиритесь, лейтенант, смиритесь. Это война. Пользуясь случаем, представлюсь: я – казачий полковник Гяур. Прибыл из Речи Посполитой, точнее, из Украины. Так что мы еще повоюем.

– Если нам позволят повоевать. Куда, черт возьми, девался наш флот? Почему испанские корабли по-прежнему безнаказанно рыщут у наших берегов, нападая, где и когда им вздумается?

– А почему гарнизоны прибрежных фортов и батарей не в состоянии развеять эти волчьи стаи? Ведь должны были бы.

Лейтенант понял, что ему не убедить ни Гяура, ни полковника д'Ордена, и устало махнул рукой.

– Это не война, а черт знает что.

– Об этом мы сейчас и поговорим, – спокойно предложил Сирко, давно осознавший, что воевать с рейдерами таким образом, как уже давно воюют с ними солдаты принца де Конде, бессмысленно.

Они остановили свой выбор на доме старого рыбака, которого в поселке все называли просто Шкипером. Жилище его было возведено прямо в центре селения, на вершине узкой гряды, и по форме своей напоминало шхуну, мостиком которой служил небольшой, сработанный из дуба мезонин. Заброшенная сюда во время шторма, она оказалась без мачт, зато основательно вросла в грунт, сохранилась и, несмотря на недавний бой, отсвечивала на предвесеннем солнце круглыми окнами-иллюминаторами.

Узнав, что там живет некий старый морской волк, Гяур предложил идти к нему и пригласить Шкипера участвовать в их военном совете. Как-никак Шкипер знал море, знал побережье на много миль к востоку и западу от поселка, следовательно, мог кое-что подсказать.

8

Кардинал Мазарини спал безмятежным сном человека, укладывавшегося с твердой уверенностью, что, пока он предается сну, ничего в этом мире измениться не может. А потому человечество с содроганием должно ждать каждого его пробуждения.

– Ваше высокопреосвященство! Вы слышите меня, ваше высокопреосвященство? Вас просит к себе королева.

Кто бы мог подумать, что его секретарь виконт де Жермен способен вещать поднебесным гласом ангела? Кстати, о какой, собственно, королеве идет речь?

Кардиналу снилась окаймленная высокими соснами бухточка. Точь-в-точь, как та, что на одной из картин в его кабинете, где изображено побережье у мыса Изола-делле-Корренти на южной оконечности Сицилии. В последнее время кардинал почему-то часто бредил этими, с детства знакомыми ему, пейзажами, мысленно уходя от парижских туманов и версальских сплетен.

– Ваша светлость, господин первый министр, – неслышно ступил несколько шагов виконт де Жермен.

– Подите к дьяволу, – сонно пробормотал кардинал, продолжая наслаждаться пейзажами своей умопомрачительно-солнечной Сицилии, с юными девичьими телами у пенной кромки прибоя и ослепительно белыми парусами, испестрившими божественную гладь залива.

– Но... ваше высокопреосвященство. Вас требует к себе королева, – едва удержался виконт, чтобы не прикоснуться к плечу кардинала.

– Так просит или требует? – прервал размеренное похрапывание неожиданно ясный обыденный голос кардинала.

Уточняя это, он все еще видел рядом с собой оголенное, бронзовое от загара тело пастушки, с которой впервые познал упоительную сладость того безгрешного греха, которому, молясь, но не раскаиваясь, время от времени продолжал предаваться до сих пор. И оттого, что ложе его теперь находится в королевских покоях, а не посреди усыпанных сосновыми иглами песчаных дюн, а тело принадлежит королеве Франции, а не пастушке или пропахшей водорослями и рыбацкими сетями юной рыбачке, адамовы забавы эти не стали более изысканными.

– Она ждет вас в своем кабинете, вместе с главнокомандующим принцем де Конде.

– Вот видите, виконт, с принцем де Конде. Они себе мило беседуют, а вы в это время терзаете меня, прости мне, Господи, все ваши обиды, – широко, по-медвежьи зевнул Мазарини, глядя на угасающее пламя камина.

Он уснул, развалившись в кресле, почти касаясь носками ботфортов ажурной каминной оградки. И пламень костра переплавлялся в его сне на летний сицилийский зной.

– Ее Величество не догадывается, что вы изволили уснуть, – примирительно потер пальцами подбородок секретарь.

– А то бы она отослала этого юного наглеца главнокомандующего назад, в войска, ни с чем. Это вы хотите сказать, де Жермен? – Все так же не спеша, с наслаждением потянулся кардинал, ухватившись разомлевшими пальцами за подлокотники. – Я всегда подозревал, что в душе вы тайно ненавидите всю династию Бурбонов. Но не ожидал, что это способно проявляться столь откровенно.

К счастью для себя, де Жермен научился различать инквизиторские шутки кардинала. Это поначалу ему приходилось туго. А теперь от него требовалось лишь принять правила словесной игры и свято придерживаться их.

– Пусть Господь хранит «французского Македонского», как и весь его род, – без особого энтузиазма благословил главнокомандующего де Жермен, которого кардинал Мазарини давно причислил к лику самых отъявленных безбожников Франции.

Тем временем сам кардинал уже забыл о существовании своего секретаря. С сожалением оглянувшись на камин, словно путник, покидающий теплый очаг, чтобы отдать себя осеннему ненастью, он подошел к столу и с минуту осматривал разбросанные в абсолютном беспорядке бумаги, будто что-то мучительно искал.

– Вы могли бы хоть один раз навести порядок в этих бумагах, мой досточтимый виконт? – недовольно проворчал он, и именно в это мгновение взгляд его остановился на свитке, который еще вчера был доставлен гонцом с фронта.

Весь текст этого донесения состоял из перечня совершенно неожиданных успехов армии в сражениях с испанцами. Прочтя вчера послание принца, завершавшееся, как всегда, длинным перечнем всех видов поставок, которыми королевские министры обязаны были в ближайшие сроки обеспечить войска, Мазарини поймал себя на странной мысли: «Если бы все те победные реляции, которые ложились на этот стол в течение хотя бы последних двух лет, соединить в единый текст, получилось бы описание ошеломляющего завоевания принцем де Конде не только Европы, но и всего мира. Тамерлан, Ганнибал, Македонский, шахиншах персов Аббас Великий, с его маниакальной идеей “один мир – один правитель”, предстали бы перед человечеством необученными новобранцами на плацу у пехотных казарм».

Но почему же тогда, проснувшись поутру, он, первый министр Франции, с опаской поглядывает в окно: не видно ли на дворцовой площади обнаглевших испанских идалго?

С этой воинственно мрачной мыслью кардинал и двинулся к двери, ведущей в канцелярию виконта де Жермена и дальше – к покоям, через которые он проникал в канцелярию королевы, минуя вечно многолюдную приемную и не показываясь кому-либо на глаза. Но уже на пороге задержался, вернулся к столу и со мстительной улыбкой сицилийского пирата схватил последнее донесение.

Пусть только – зная, что за бумагу он держит в руках, – принц де Конде в очередной раз посмеет пожаловаться ему на испанский флот, прибрежных корсар и драгун-рейдеров, совершающих дерзкие набеги на тыловые деревушки и склады его армии.

9

Хозяин встретил их молча. Выслушал, не проронив ни слова, одним только движением руки пригласил в дом, а потом, по лестнице, в мезонин. Так же молча он указал на кресла у стола, на котором, между несколькими бутылками вина, виднелись развернутая карта, квадрат, линейка и миниатюрная бронзовая рында, снятая, очевидно, с последнего корабля, на котором плавал.

Хотя комната больше напоминала штурманскую каюту, нежели жилье рыбака, Шкипер почему-то был одет в черный камзол, белую сорочку с мудреными кружевными оборками на рукавах и короткие черные панталоны. В этом одеянии он больше был похож на университетского профессора, нежели на моряка, о котором ходила слава не только как об опытном шкипере, но и как о пирате, успешно промышлявшем в свое время где-то у островов Вест-Индии, а потом благополучно перешедшем на службу в королевский флот.

– Значит, вы, наконец, решили разделаться с эскадрой испанских рейдеров, – важно произнес Шкипер, садясь на единственный свободный стул последним. Если бы не загарно-пепельный цвет его лица, оно вполне могло бы сойти за аристократическое – столько всего утонченного было заложено в нем природой. – Однако среди вас не оказалось ни одного моряка. Я так полагаю, на паруса глядя.

– Зато мы знали, к кому следует обратиться, – с едва заметной иронией напомнил ему д'Орден. – Теперь, когда цель нашего совета вам ясна, господин Шкипер... Какое решение вы можете предложить?

– Для начала – вина, – уверенно взялся за бутылку хозяин каменной шхуны. – Думаю, что ничего более разумного никто из вас в моем доме не предложит.

С ним охотно согласились. Но когда после третьей кружки Сирко почувствовал, что это предложение Шкипера может оказаться последним, он спросил:

– Какова, на ваш взгляд, цель испанской эскадры? Чего хотят добиться корсары?

– Прежде всего, отвлечь наши войска от Дюнкерка, который испанцы в скором времени вновь намерены штурмовать.

– Они уже подошли к крепости и начали осаду, – уточнил д'Орден.

Услышав об этом, Сирко и Гяур удивленно взглянули на француза, поскольку для них это тоже оказалось новостью.

– Гонец сообщил мне эту весть накануне нашего отъезда сюда, – почувствовал себя виноватым д'Орден. – Не хотел расстраивать вас, людей, штурмом взявших Дюнкерк.

– Но городом они пока что не овладели? – уточнил Гяур.

– Гонец утверждал, что утром город все еще был нашим. Но сейчас дело идет к вечеру.

Полковник грустно промолчал. Он знал, что гарнизон в крепости остался небольшой. Очевидно, в Париже решили, что так скоро испанцы под его стены не сунутся.

– Где базируются эти корабли? – вновь обратился к Шкиперу князь Гяур.

– Во Фландрии. Неподалеку от Остенде. Я так полагаю, на паруса глядя.

– Далековато. Поближе гавани они себе не подыскали? Ведь сейчас корабли рейдируют между Дюнкерком и Кале.

– Такие же эскадры корсарствуют теперь между Гавром и Шербуром, между Сен-Брие и Брестом, у берегов Бретани, – заметил д'Орден. – Однако вопрос стоит того, чтобы на него ответить: действительно, пытался ли капитан галиона «Сан-тандер» присмотреть себе какую-либо бухточку?

Шкипер поднялся, подошел к окну-иллюминатору и так, стоя вполоборота, чтобы держать в поле зрения и своих гостей, и часть залива, в котором, на песчаной отмели, догорали подожженные испанцами рыбацкие челны, произнес:

– В двух милях отсюда, в сторону Дюнкерка, есть удобная бухточка у поселка Анандэ.

– Где расположен мощный форт, который им не по зубам, – оживился полковник.

– Вот именно, мсье. Они трижды пытались высаживаться там, но орудия форта отпугивали корабли и топили шлюпки. Несколько раз посылали на берег лазутчиков, и создалось впечатление, что свой человек есть у них и в самом поселке. Вполне возможно, что это один из моряков, служивших ранее на испанском королевском флоте. Испанцы всегда нанимали матросов из местных молодых рыбаков, считая фламандцев прирожденными мореходами. И не ошибались, я так полагаю, на паруса глядя.

– В этом нет никакого сомнения, – недовольно проворчал д'Орден. Он был бретонцем, а в его благословенной Богом Бретани ⁶ всегда считали, что лучше бретонцев моряков не существует, поскольку таковых не может существовать в природе. Как, впрочем, и солдат.

– И вы даже знаете, кто именно этот бывший моряк, решивший и впредь служить королю Испании – что, по нынешним временам, значительно выгоднее, нежели королю Франции, – предположил Гяур.

Шкипер вернулся к столу, налил себе полкружки вина, опустошил ее и только тогда ответил:

– В общем-то, догадываюсь.

– Если это ваш знакомый, то сразу же должны предупредить, что не собираемся казнить его по законам военного времени.

– Это важно.

– Но потребуем от него помощи.

– Помочь Франции – истинно так, истинно, – добавил Сирко. До сих пор он пытался не вмешиваться в разговор, зная, что князю Гяуру общаться с французами значительно легче.

– Я постараюсь убедить его в этом, – натужно произнес Шкипер, сдавливая пальцами свою гортань. Даже вино причиняло ему боль.

– Послушайте, – вдруг холодно вскипел полковник д'Орден, обращаясь к Сирко и Гяуру. – Вы здесь рассуждаете так, словно уже выработали какой-то план, согласно которому способны противостоять испанским рейдерам. Но если действительно выработали, то, может быть, посвятите в него и нас с лейтенантом? А то мы начинаем чувствовать себя лишними.

– Справедливое требование, – взглянул Гяур на Сирко.

– Вот вы и посвятите полковника д'Ордена и этого лейтенанта в наш план, – молвил Сирко. – Мой французский совершенен, но не настолько...

Гяур улыбнулся. О том французском языке, на котором пытался общаться Сирко, среди казаков, как, впрочем, и среди близких к ним французов, уже начинали слагать легенды. В общем-то, он усвоил многие слова, фразы и довольно сносно мог изъясняться на любые темы. Однако часто забывал, что беседует с французами, и иногда ему казалось: достаточно к украинскому слову добавить предлог «ля», и язык, на котором он говорит, покажется всем французским. Поэтому «французский от Сирко» – под хохот казаков и в их легендах на франко-украинский лад – выглядел приблизительно так: «ля вино», «ля Сирко», «ля кобыла», «а ля ничего себе мадемуазель!...».

– Так вот, господа, – опустил два огромных кулака на стол князь Гяур. – Испанцы рейдируют вдоль побережья, терзая нашу оборону да изматывая солдат, которые вынуждены гоняться за ними, пытаясь успеть повсюду, где только идалго придет в голову высадить свой десант; а главное – отвлекая значительные силы французских войск и казаков от Дюнкерка.

– Я тоже так полагаю, на паруса глядя, – натужно просипел Шкипер, судорожно хватаясь за горло.

⁶ Историческая область на северо-западе Франции, названная так по названию полуострова Бретань.

– Понятно, что дальше воевать таким образом невозможно. Поэтому мы решили напасть на эскадру и если не уничтожить ее, то, по крайней мере, на какое-то время вывести из строя.

– Прекрасная мысль. Но в том-то и дело, что у нас нет кораблей, – устало развел руками д'Орден. – Я уже говорил об этом. Здесь, у берегов Фландрии, пока что господствуют испанцы, только испанцы. На море у нас нет сил, способных противостоять им.

– Очевидно, господа поляки решили атаковать рейдеры силами своих эскадронов, – попытался шутить командир форта, поддерживая локоть раненой руки. – Мы просто не поняли их замысла.

– На флоте, господа, принято выслушивать каждого, сколь бы странными ни казались его предложения, – проворчал Шкипер. – Последуем же и мы этой мудрой традиции. Я так полагаю, глядя на паруса.

– Известно, что на Черном море у казаков никогда и не было больших военных кораблей, – пришел на помощь князю Гяуру полковник Сирко. – Что, однако, не мешает нам совершать морские походы к берегам Крыма, Дуная и даже Турции. Чтобы побеждать турецкие эскадры, нам достаточно снарядить десяток-другой многовесельных лодок.

– Именно эту тактику я и имел в виду, господа, – добавил Гяур. – Мы будем воевать так, как умеют воевать только казаки.

– Кто бы мог подумать, что князь Гяур настолько быстро сумеет стать истинным казаком? – одобрительно, хотя и не без иронии, улыбнулся Сирко.

10

– Вы здесь, канцлер? Я знал, что, невзирая ни на какие спешные государственные дела, вы придете сюда.

– Для коронного канцлера не может быть более важных государственных побуждений, чем зов короля.

– Вот они, слова, достойные князя Оссолинского!

Ослепительно белый королевский шатер возвели на возвышенности, господствовавшей между северной стеной замка графа Оржевского и излучиной реки. По привычке, королевская челядь ставила его в таком месте, словно король должен был осматривать огромное поле битвы, имея в тылу своей полевой ставки укрепленный замок.

– Князь, – обратился Владислав IV к своему секретарю. – Принесите «привилегию».

Ротмистр подошел к карете, открыл кованный сундучок и извлек оттуда небольшой пергаментный свиток.

– Свободны, князь, – усталым жестом отослал его в сторону шатра король.

С этой минуты на холме они оставались вдвоем – король и коронный канцлер. Слуги, охрана, повара суеились за небольшой рощицей, где для них уже были поставлены три шатра – небольших, неприметно серых.

– Прежде чем я что-либо скажу вам, князь, ознакомьтесь с этим письмом, – передал Владислав IV список канцлеру.

К своему удивлению, Оссолинский обнаружил, что «Королевская привилегия» предназначалась для гетмана запорожских казаков. Причем имя гетмана не указывалось.

– Однако на Запорожье сейчас нет избранного гетмана; казаки пока что остаются, как они сами называют это состояние, «сиротами, да сиротами-безбатченками», – не удержался он.

– Там все еще нет гетмана, признанного королем и сеймом Польши, – уточнил Владислав.

– Именно это я и хотел сказать, – дипломатично прокашлялся коронный канцлер, как делал всегда, когда следовало без лишних слов признавать свою оплошность.

– Что значительно хуже, чем если бы его не было вообще, – добавил король. – Впредь мы должны заботиться, чтобы Запорожье ни на один день не оставалось без гетмана, не имеющего хоругви и булавы, полученные из рук польского короля.

– Но если это произошло, вина в том не Его Королевского Величества, а канцлера, – спокойно, с чувством собственного достоинства признал Оссолинский. Он не раз поражал короля тем, что, в отличие от многих других подданных, умел вот так спокойно, с достоинством, не только признать свою вину, но и взять на себя ту часть ее, которая, несомненно, будет отнесена Богом на долю монарха.

На сей раз «Королевская привилегия» оказалась более чем щедрой. Численность реестрового казачества увеличивалась с шести до двенадцати тысяч, при этом возвращались или подтверждались все привилегии, которые ранее были дарованы казакам Владиславом IV или его предшественниками. Повышалось и денежное довольствие не только старшин, но и рядовых казаков. Королевская казна выделяла огромную сумму денег, вполне достаточную для того, чтобы казаки могли соорудить и вооружить не менее шестисот легких военных судов, так называемых чаек, экипажи которых не только могли бы сдерживать натиск турецкого флота в устье Днепра, но и совершать походы к анатолийским берегам.

Впрочем, Оссолинского удивило даже не столько содержание «привилегии», сколько то, что король составил этот важный указ без его участия и, по существу, втайне от него. А главное – король решился вооружать казаков вопреки воле сейма.

– Ну, что скажете, канцлер? – мрачно спросил король, осматривая в небольшую подзорную трубу окрестности замка. От Оссолинского не скрылось, что в голосе его слышалась тре-

вога. Владислав отлично понимал, что, лишившись поддержки канцлера, он лишается последнего союзника.

– Сооружение на деньги польской казны целого казачьего флота, готового в любую минуту двинуться в поход против турок, уже равнозначно объявлению войны не только Высокой Порте, но и нашему сейму. – Оссолинскому потребовалось немало мужества, чтобы, произнося эти слова, скрыть свое волнение. – Да-да, и сейму тоже, поскольку он запретил предпринимать что-либо против Турции без его согласия.

– Остановимся на том, что Турция воспримет наши приготовления на Днестре, как объявление войны, – дал понять король, что свои отношения с сеймом обсуждать не намерен. – Но мы-то с вами, князь, понимаем, что жизнь польского королевства – это жизнь от одной жестокой войны с турками до другой, еще более жестокой. Вся история Польши тому свидетельство.

– Как и судьба украинских земель.

– Вот почему сейчас в Украине мне нужен сильный, влиятельный союзник. Начав общее дело, король, коронный канцлер и гетман Украины как-нибудь справятся и с сеймом, и с янычарами, и с наиболее зарвавшимися польскими аристократами, которые часто страшнее всяких янычар. И, прежде всего, с теми шляхтичами, которые давно чувствуют себя на украинских землях полноправными правителями, не признающими никакой королевской власти.

Оссолинский задумчиво промолчал. Нечто подобное из уст короля он уже слышал, притом не раз. Но сейчас он держал в руках «Королевскую привилегию» – а это уже не просто слова, это решение короля.

– Если с этим, – помахал он свитком «Привилегии», – у нас действительно все получится, прежде всего, нужно будет отменить нашу убогую, бездарно слепленную сенаторами Конституцию, по которой каждый мелкопоместный шляхтич чувствует себя нынче королем.

– Одновременно посадим на казачий трон надежного гетмана, – попытался развить его размышления король, – который, вместе с депутацией старшин, имел бы влиятельный голос в сейме. Если только к тому времени вообще не отпадет надобность в этой богадельне оскотелых болтунов.

«Сейм – как богадельня оскотелых болтунов!» – мысленно смаковал князь афористичность этого высказывания короля. Он обожал подобные определения, и, коллекционируя, всячески старался использовать их.

– Кто же будет тем посланником короля, которому выпадет честь вести переговоры?

– Вы, господин коронный канцлер, – не колеблясь ответил король. – Кто же еще?!

* * *

Оссолинский устало откинулся на спинку походного кресла и несколько минут сидел, бездумно запрокинув голову и всматриваясь слезящимися близорукими глазами в поднебесную высь.

– Остерегайтесь? – не удержался король, решив, что времени для размышлений у него было предостаточно. – Бойтесь нажать себе среди сенаторов еще больше врагов, чем их имеется сейчас?

– Я всегда предпочитал реально оценивать риск, с которым приходится сталкиваться не только мне, но и Речи Посполитой.

Король понимающе помолчал. Он знал: Оссолинский достаточно трезв и осторожен, чтобы не отличить сдержанную дипломатию от необузданной авантюры. Тем не менее что-то нужно было предпринимать, причем делать это срочно.

– На сей раз степень риска вам хорошо известна. Что предпринимаем?

– Надо решить, каким образом будем вызывать сюда казацкую старшину.

– Вот этого делать нельзя. Тут уж сенаторы действительно всполошатся. Вы обязаны сами отправиться в Украину. Причем как можно скорее. И никто не должен знать, что вы везете с собой эту «Привилегию» и вообще какова ваша миссия. Представим вашу поездку так, будто вы отправились для рассмотрения нескольких жалоб местных дворян.

– За этим дело не станет. Продумаем. Тем более что жалоб действительно хватает. Кому я должен буду вручить булаву гетмана и королевскую хоругвь?

– А к IV, ому бы вручили, будь ваша воля? – едва заметно улыбнулся Владислав IV, и канцлер понял: это не просто любопытство, это – испытание на мудрость и единомыслие.

Оссолинский вновь запрокинул голову и вгляделся в молчаливые, холодные, совершенно безразличные ко всему, что происходит сейчас на земле, небеса. Словно искал в их глубинах подсказку.

– Если учесть, что есть только два достойных воина – Богдан Хмельницкий и полковник Иван Барабаш... ⁷ – с...разу же сузил круг претендентов коронный канцлер. – То становится ясно, что выбор небольшой.

– Был бы жив господин Сагайдачный, выбирать вообще не приходилось бы.

– Слишком уж преждевременно он ушел, – прокряхтел Оссолинский. – Слишком уж не вовремя. Хотя... кто из нас уходит «вовремя»? На моем месте любой коронный канцлер, заботящийся о мире и спокойствии значительной части подвластной вам земли, облобызался бы с полковником Барабашем. Не столь учен, как Хмельницкий, но и не столь хитер.

– Ну-ну?... – подбодрил король.

– Не настолько искушен в военных делах, однако же и не настолько влиятелен среди казаков, чтобы учинить бунт и выйти из-под власти польской короны. К тому же он – армянин.

– Да? Это действительно так?! Оказывается, он не украинец?! Он – армянин? Этого я не знал.

– Потому-то и судьба приютившей его земли не столь близка душе Барабаша, чтобы, ради нескольких привилегий для местного казачества и крестьянства, он готов был рисковать не только головой – к чему успел привыкнуть, но, что намного непривычнее и страшнее для него, – булавой гетмана. А значит, богатством, славой, властью. Известно, что даже самые заядлые из казачьих рубак с булавой расстаются куда труднее, чем с головой.

– Так, значит, он армянин? – мрачно смотрел себе под ноги король, размышляя уже о чем-то своем. – Это заставляет по-иному взглянуть на его соперничество с Хмельницким и на наш выбор. Если только ваши сведения верны.

– Никаких сомнений. Сведения о нем получены от моего тайного советника.

– То есть от Коронного Карлика, – скептически ухмыльнулся король.

– Простите, ваше величество, но я привык воспринимать его всерьез. Он сам приучил меня к этому.

– Не смею возражать. Тем более – сомневаться, – все с той же саркастической улыбкой повинился король. – Вездесущ ваш Коронный Карлик, признаю: вездесущ...

– Он обязан быть таким.

– Как давно этот Барабаш обитает в Запорожье? – вдруг несколько раздраженно поинтересовался король.

– Он был похищен казаками еще в детстве. Во время одного из походов. Так на Сечи и вырос. Но дело не в этом...

– В этом – тоже, – перебил его король. – Тут все нужно учитывать, буквально все. Итак, вы считаете, что булава должна быть вручена именно этому полковнику?

⁷ Иван Барабаш. Полковник черкасского полка, затем есаул реестрового казачества. В 1646 году канцлер Оссолинский вручил ему от имени короля булаву гетмана реестрового казачества. В годы национально-освободительной борьбы Украины против Польши (1648–1654) выступил на стороне Польши. В мае 1648 года взят в плен восставшими казаками и, по свидетельству некоторых исторических источников, погиб от руки известного украинского полковника Филона Джалалии.

– Нет. Зачем торопиться?

Брови короля стремительно поползли вверх, розовато-кровянистые глаза рванулись из орбит.

– Кому же?

– Хмельницкому.

– Потому что этого требую я?

– Потому что в Украине нам нужен воин, а не ревностный блюститель указов Его Величества. Прежде всего, воин. Ибо никто еще в казачьей стороне не сумел добыть себе ни славы, ни авторитета чтением королевских привилегий. До сих пор их добывали только саблей, только мудростью полководца.

На том берегу показался разъезд гусар, осматривавших окрестные заросли и овраги. Даже здесь, в центре Польши, никто не мог полагаться на абсолютную безопасность монарха.

– Теперь вы понимаете, почему я решил, что поехать в Украину должны именно вы? – решительно поднялся король.

– Начинаю понимать, – скромно подтвердил Оссолинский, медленно поднимаясь вслед за монархом. Он был единственным, кому в присутствии короля позволялось сидеть, но не в тех ситуациях, когда он вставал.

– Это услуга не только мне, но и всей Речи Посполитой.

– Всякая услуга королю является услугой Речи Посполитой, – вежливо подправил его канцлер. – Именно поэтому, с вашего позволения, я оставляю вас сейчас же.

Король многозначительно помолчал и, вместо прощальных слов, произнес:

– Жду вас с вестями из Украины, князь.

11

Картина, которую Мазарини застал в рабочем кабинете королевы, вполне соответствовала всему тому, что происходило в «овдовевшем» французском королевстве после смерти Людовика XIII. Королева нервно металась между окном и воинственной, закованной в латы статуей рыцаря, а живой рыцарь, вальяжно развалившись, сидел в кресле – и это в присутствии королевы! – и мрачно цедил вино из огромного серебряного кубка, удерживать в руке который было ничуть не легче, чем тяжелую провансальскую алебарду.

– Похоже, мы опять куда-то наступаем, Ваше Величество? – обратился Мазарини к королеве. На низеньком столике стояли еще два кубка, и кардинал, не раздумывая, взял один из них. – Королевский двор не поспевает за обозом уходящих за Пиренеи испанских легионеров?

Шутка была вызывающе опасной. Мазарини почувствовал это еще до того, как успел высказать ее до конца. Однако с первой же минуты дал понять принцу, что тот – всего лишь главнокомандующий, которого назначает, как, впрочем, и увольняет, королева. Именем младенствующего короля, естественно. Причем делает это не без одобрения первого министра. И что в этой войне принц, как главнокомандующий, никакого повода для восхищения своими полководческими способностями не дал.

Королева почти с ужасом взглянула вначале на первого министра, затем на усталое, землисто-серое лицо молодого полководца, и, раздраженно покачав головой, как бы говоря, что все это уже становится невыносимым, опустилась в свое высокое, обитое малиновым бархатом кресло.

– Садитесь, мессир кардинал, – сдержанно предложила она, глядя при этом прямо перед собой, возможно, на покоящийся на противоположной стене и скрытый в полумраке портрет Людовика XIII.

«На ее месте я все же заставил бы принца, как и первого министра, выслушивать меня стоя», – отметил про себя Мазарини, что, однако, не помешало ему сесть в одно из кресел. В конце концов, здесь не тронный зал, а рабочий кабинет. Существуют места, в которых королева объявляет свою королевскую, государственную волю, но ведь существуют и места, в которых эту же государственную волю вначале объявляют самой королеве.

– Мы слушаем вас, принц, – обратилась Анна Австрийская к главнокомандующему.

Де Конде умиленно посмотрел на королеву, и так, с кубком в руке, поднялся, словно собирался произнести тост.

– Я знаю, Ваше Величество, что вы и ваш первый министр сейчас будете говорить о бедности казны, волнениях крестьян и ремесленников, стонущих под бременем налогов...

– Простите, мессир, но мы сами прекрасно сможем высказать все, что считаем нужным, – поднялся Мазарини. Теперь их разделял стол. Но куда больше этого стола – взаимная, скорее ироничная, нежели злая, неприязнь. – Мало того, я могу сказать даже то, что собираетесь сказать вы. Вам опять нужны войска. Причем немедленно, и как можно больше.

Принц пригладил жиденькие русеющие усы и самодовольно ухмыльнулся.

– Вы абсолютно правы, мессир. Нужны войска. И как можно скорее. Лучше всего – нанять их в Польше, из числа казаков. Наемники под командованием полковников Сирко и Гяура показали себя истинными воинами.

– И сколько же нужно таких воинов, чтобы однажды вы явились сюда не просить солдат, а доложить, что Испания запросила мира или, по крайней мере, жаждет переговоров? – поинтересовалась королева, перебирая гроздь массивного, окаймляющего всю ее пышную грудь жемчужного колье, словно четки.

– Простите, Ваше Величество, вы не совсем верно истолковываете ход войны, – поучительно молвил принц, приняв аристократическую позу. Так, высоко подняв кубок с остатками

вина, он смахивал на придворного поэта, решившего осчастливить королеву очередным благищением. – Сейчас речь должна идти не о разгроме врага, а о том, как бы нам самим не оказаться разгромленными. Армия истощена так же, как и сама страна. Это понятно сейчас каждому офицеру.

– О, да, офицерам это понятно, – охотно признал Мазарини. – Любому вашему офицеру, мессир, все становится ясно значительно раньше и основательнее, чем любому из министров Франции. Не говоря уже о первом министре. В этом сила нашей армии. Будь ваши офицеры столь же прозорливы в делах военных, Франция уже давно чувствовала бы себя владычицей мира.

– Господа, господа! – с томным недовольством вмешалась королева, опасаясь, как бы их острый разговор не завершился более серьезной ссорой. Впрочем, сколько она помнит, беседы принца и кардинала всегда велись в подобном ключе, но в подобном же ключе иронического невосприятия друг друга они и завершались. – Давайте вместе думать над тем, что в данной ситуации стоит предпринять. Иначе думать об этом за нас начнут другие.

Эта знакомая обоим государственным мужам фраза стала уже почти традиционной для королевы, тем не менее именно она всякий раз приводила их в чувство.

– Вы правы, Ваше Величество, – мгновенно подхватил ее мысль Мазарини. – Думать должны мы. И в?!от вам первая неувядаемо-свежая мысль. Если вы, господин главнокомандующий, осознаете, что войну не то что невозможно выиграть, но невозможно даже завершить на более или менее приемлемых условиях перемирия, тогда почему вы просите у Ее Величества солдат, а не мира?

– Потому что я – главнокомандующий войсками Франции, а не временный поверенный в Испании.

– Но главнокомандующий, который категорически утверждает, что в этой войне его армия победить не способна. Что, однако, не мешает ему требовать все новые и новые полки.

– Без которых не способен победить ни один полководец мира, будь он хоть трижды Великим Моголом! ⁸ – пафосно парировал принц де Конде.

Королева и кардинал молниеносно обменялись взглядами. При этом лицо Мазарини озаарила улыбка, предвещающая очередное коварство. В то время как взгляд королевы буквально умолял: «Уймись, кардинал! Не то время сейчас, чтобы затевать ссору со всем родом Бурбонов! Или хотя бы объясните, к чему клоните».

– Присядьте, господа, и давайте все спокойно обсудим.

Из вежливости Мазарини позволил главнокомандующему опуститься в кресло первым. Заметив при этом, что и в венское кресло он плюхается, как в седло.

– До меня доходят слухи, что в каждом бою казаки действительно сражаются, подобно последним защитникам крепости, осажденной сарацинами. Особенно это касается полковника Гяура и степных рыцарей. Это так?

Принц прекрасно понимал, что вопрос был задан Мазарини исключительно в знак примирения. Столь же спокойный и ни к чему не обязывающий ответ помог бы им всем троим вернуться к тому, ради чего они здесь собрались.

– Особенно полковника Гяура, – сдержанно согласился де Конде.

– Мне даже сообщили, что он намеревается вступить в бой с кораблями, рейдирующими у нашего побережья.

– Да? Впервые слышу, – сухо отчеканил главнокомандующий. – Интересно, каким это образом он собирается отпугивать военные галеоны испанцев? Кавалерийскими наскоками?

⁸ Великий Могол – титул, которым наделялись правители империи Великих Моголов, существовавшей в Индии в XVI–XIX веках. Основателем империи, как и династии, является потомок Тамерлана Захитеддин Бабур. Представители этой династии отличались особой воинственностью и жестокостью.

Нужен флот, господин первый министр. Я давно требовал, чтобы все корабли, имеющиеся у нас на Средиземном море, были переведены к северным берегам. Сейчас они нужны здесь, а не у берегов Корсики. Именно здесь и именно сейчас.

– Разве я возражал? Только смогут ли они пройти мимо Геркулесовых столбов, по блокированному испанским флотом проливу? – позволил себе примирительно улыбнуться Мазарини, словно сообщал главнокомандующему что-то очень приятное. – А казаки, как мне сообщали люди, поддерживающие связь с их командирами, имеют немалый опыт морских походов против крымских татар и даже осман. Подумайте об этом.

– Тогда тем более вам, господин первый министр, следовало бы немедленно подумать о найме нового отряда казаков.

– А, по-моему, вы опять увлеклись, господа, – вмешалась королева, до сих пор напряженно следившая за их словесной дуэлью. – Помнится, мы решили серьезно заняться подготовкой к заключению мира.

– Не одержав хотя бы одной значительной победы? – изумился теперь уже не главнокомандующий, а кардинал, только что ратовавший за то, чтобы ссору с испанцами завершить миром.

Это заставило принца по-казарменному громко расхохотаться.

– Что вас так рассмешило, мессир? – оскорбленно поинтересовался Мазарини. – Снизойти до мира, конечно, почетнее. Но мы пока что не можем позволить себе этого. Другое дело – спастись бегством от поражения за статьями мирного договора. В этом мы еще способны преуспеть. Вот мы и должны думать, как спастись этим самым «бегством», пока идальго все еще считают нас государством, а не развалиной. И выход здесь один – выиграть крупное сражение. Достаточно крупное для того, чтобы потом предъявить его испанцам в качестве аргумента, предшествующего ультиматуму.

– Первый министр прав, мессир, – усталым, почти безразличным голосом поддержала кардинала Анна Австрийская, которой хотелось поскорее прийти к какому-то окончательному решению. Хотя уже поняла, что найти такое решение сегодня не удастся.

– И мой вам совет, принц, – продолжил Мазарини, – не жалейте казаков. Спустите на испанцев этого дьявола в человеческой плоти, Гяура, не скупясь при этом на награды, а если понадобится, то и на генеральский чин.

– Речь может идти даже о чине полевого маршала?

– А почему бы и нет? – взглянул Мазарини на королеву, заручившись ее молчаливой поддержкой. – С полковником Сирко сложнее. Он дождется конца контракта и вернется на Украину. Если только дождется, поскольку стало известно, что в Польше опять становится неспокойно, и его сабли могут понадобиться если не самому королю, то уж его противникам – точно. А Гяур, похоже, способен надолго задержаться в одном из замков или поместий Франции. Не зря же на его имя уже приобретено поместье неподалеку от Шварценгрюндена.

Брови де Конде медленно поползли вверх. И не только в связи с сообщением о поместье у стен Шварценгрюндена. Просто теперь он, наконец, понял, из каких источников и по каким каналам попадает к первому министру информация о делах на фронте и доблести казаков. Ему не трудно было определить, что и в этот раз не обошлось без «личного взгляда и особого мнения» графини де Ляфер. Ей же, очевидно, принадлежит и прошение относительно генеральского чина.

– Хорошо, – резко, властно поднялся главнокомандующий. – Я брошу к вашим ногам победу, из тех, без которой терпят поражение все наши послы. Такую победу я жертвенно поднесу вам, даже не получив подкрепления.

12

«... Что касается способа ведения войны на суше, то казаки предстают лучшими пехотинцами, нежели кавалеристами; они выносливы и неутомимы, подчиняются своим предводителям, с необычным мастерством выполняют земляные работы и укрепляются не только с помощью валов, но и используя для этого свои повозки. Они настолько сильны за этими своими передвижными крепостями, крайне необходимыми в безлюдных степях, где то и дело на них нападают татары, что тысяча защищенных таким способом казаков оказывает сопротивление шести тысячам неверных, которые совсем не слазят с коней и которых задерживает любой ров, любая наименьшая преграда...»⁹

Секретарь французского посольства в Польше Пьер де Шевалье отложил перо и задумчиво посмотрел в просвет между пологам шатра. Теперь солнце уже не заглядывало в походную обитель, а пробивалось почти через ее купол, наполняя сиянием и теплом.

– Вы все еще пишете, господин секретарь? – возникла в проеме шатра костлявая фигура полковника Голембского.

– Ради этого и решился пойти с вами в поход.

– Лучше полюбуйте утренняя степью. Отсюда она видна на десяток верст. Кажется, вскочи на коня – и через час окажешься на берегу Черного моря.

Шевалье молча вышел вслед за полковником. Старый вояка прав: здесь было чем любоваться. Лагерь они разбивали уже поздним вечером, когда разъезды драгун сообщили, что отряд повстанцев-казаков отошел от отрогов Подольской возвышенности в степь и, судя по всему, остановился на правом берегу последней речки, за которой начиналась пожелтевшая безводная степь.

Они возводили его в спешке, после тяжелого боя с повстанцами, и Шевалье даже не успел осмотреть местность. Этот, на удивление высокий, холм, настоящую степную гору, они с полковником избрали, только исходя из канонов походного лагеря: с холма легче командовать войском и на нем же легче защищаться.

Теперь же с этой возвышенности, словно с высоты птичьего полета, Шевалье видел, как в высокой траве по-муравьиному сновали по вновь проложенным тропам польские солдаты, тащились на водопой лошадиные коновязи, гарцевали у склона извилистого оврага, будто на берегу Рубикона, драгуны дозорной десятки. Желтая степь, желтовато-синее небо, желтые склоны оврагов... И лишь где-то там, в немыслимой дали, между редкими и, очевидно, чахлыми кронами деревьев, вспыхивала на солнце дымка речного плеса. Но за ним уже властвовали заставы казаков.

– Так, мы все-таки решимся преследовать их, полковник? – поинтересовался Шевалье.

– Не терпится побывать в самой гуще сечи? – осматривал степную рощицу в подзорную трубу Голембский.

– Если уж меня потянуло в поход, то хотел бы видеть казаков в бою.

– Только казаков?

– Судьбе было угодно, чтобы я стал их историографом¹⁰.

Голембский громоподобно расхохотался.

⁹ Здесь цитируется трактат «Исследование о землях, обычаях, способах правления, происхождении и религии казаков» известного французского исследователя истории украинского казачества и путешественника, героя данного произведения Пьера де Шевалье.

¹⁰ Пьер Шевалье действительно считал себя историографом украинского казачества. И хотя труды его бедноваты для того, чтобы представлять по-настоящему научными и серьезными, тем не менее они остаются важным свидетельством очевидца, которое и ныне почитается многими украинскими и зарубежными исследователями.

– Историографом этих бандитствующих голодранцев?! Мне жаль вас, майор Шевалье. Не думаю, что казаки оценят ваш труд щедрее, чем того требует кол, на который вас, как офицера на польской службе, водрузят, как только вы им попадетесь. Не думаю, что жизнеописание этого степного холопства заинтересует кого-либо в Париже. А вот рыцарская доблесть моего, как выразились бы во Франции, экспедиционного корпуса вполне стоит вашего пера. Поскольку станет страницами истории Великой Польши.

– У вас и своих историографов хватает. А у этого мятежного войска я – первый, – сдержанно объяснил Шевалье, считая, что не видит здесь предмета для спора. – Кто знает, может, это уже не просто войско, а особый народ.

– Не народ и не войско – такой ответ вас, историографа казачьего разбоя, каковым вы и войдете в историю, устроит? – довольно сухо, хотя и без особого раздражения, спросил Голембский.

– Каковым я войду в историю, этого пока не знает даже сама история. Скажите лучше, что это за холм мы отыскивали посреди степи? Не кажется ли вам, что склоны его слишком симметричны, чтобы быть естественными? Да и вершина представляется мне творением скорее человеческих рук, чем божьих.

– Русичи называют эти холмы «могилами».

– Могилами? Но чьими? Казачьими?

– Попадаются и казачьи. После очередного разгрома этих шаек польскими войсками трупов обычно появляется очень много. Но данная могила, как мне кажется, осталась здесь еще со времен Аттилы. Часто они называют такие могилы «скифскими».

– То есть перед нами Страна Скифских Могила. Как считаете, можно так назвать саму Украину?

– Для названия книги прозвучит довольно загадочно. Но если бы мне дали побольше войска, я бы не только истребил все их степное отребье, но и превратил бы эти края в одну огромную скифскую могилу. Возможно, тогда Польша, наконец, вздохнула бы с облегчением и зажила нормальной жизнью, не зная постоянного страха перед этим бунтарским племенем.

Шевалье искоса взглянул на Голембского и вновь устремил свой взор вдаль. Он не впервые в Польше, но только сейчас начинал по-настоящему понимать, сколь сложными являются отношения между Польшей и Украиной, польской шляхтой и украинским дворянством, православной и католической церквами.

«А ведь, создавая свою книгу, ты до сих пор так или иначе оставался на стороне короля, на стороне Польши, – сказал себе Шевалье. – Ты слишком коронопослушен, чтобы по-настоящему понять смысл и дух казачьей вольницы, – вот что тебя губит. И еще... Работу над книгой тебе следовало бы начинать из описания бытия Запорожской Сечи, находясь в казачьих «таборах», а не у теплых каминов французского посольства в Варшаве».

– Как считаете, полковник, повстанцы осмелятся напасть на наш лагерь?

– Вряд ли. Будь это запорожские хоругви, возможно, и решились бы. Но это повстанцы. Казаков среди них не более двух десятков. Остальные – взбунтовавшиеся подольские крестьяне и ремесленники, большинство из которых и саблю в руке держать не умеют. Косами воюют.

– Именно кос ваши драгуны, насколько я понял, больше всего опасаются, – вежливо, хотя и совершенно некстати, напомнил полковнику Пьер де Шевалье. – Просьба к вам, господин Голембский: если в ваших руках окажется кто-либо из примкнувших к мятежникам казаков, потрудитесь передать его мне. Вы отлично понимаете, насколько важно для меня общение с ними.

– Передам, но лишь на очень непродолжительное время, прежде чем вздерну.

– Об этой услуге просил вас, как помните, в своем письме и господин посол, граф де Брежи, – постарался не акцентировать внимания на этой циничной угрозе Шевалье.

– Только ради моего старого друга графа де Брежи, – напыщенно бросил полковник, – я и соглашусь на эту уступку. Эй, адъютант, коня мне!

– Вы собираетесь наступать? – взбодрился Шевалье.

– Зачем зря терять людей? Уверен, что эти разбойники постоят-постоят там, за речкой, и подадутся на Сечь, записываться в запорожцы. А мы тем временем будем укреплять свой лагерь да присматриваться к этим вашим воякам.

13

Шевалье проследил, как полковник слишком тяжело для профессионального военного взбирается в седло, как отчаянно галопирует в нем, переваливая костлявое туловище из стороны в сторону, и вернулся в шатер. Там он в течение получаса вдумчиво просматривал свои дорожные записи да выдержки из работ нескольких польских и турецких путешественников. То, что он создавал здесь, Шевалье тоже рассматривал лишь как предварительные наброски. Так, отдельные мысли, замечания... По-настоящему же засядет за свою книгу уже в Варшаве.

Еще раз мечтательно взглянув на желтоватое степное небо, историограф улыбнулся какой-то своей сокровенной мысли и неуверенно взялся за перо...

«...На основании всего изложенного мною о казаках, можно сделать вывод, что казаки – это всего лишь войско, повстанческие отряды... – Шевалье немного подумал, зачеркнул слово “повстанческие” и написал “отряды украинских воинов”. Однако и это определение тоже не удовлетворило его, поэтому он вывел: – Это всего лишь войско, а не народ, как считают многие. Больше всего их можно сравнить с вольными стрелками, порожденными некогда во Франции Карлом VII из набранных со всех земель французского королевства и способных носить оружие. По первому зову короля они обязаны были явиться в определенное для сбора место и принимать участие в войне. За это их освобождали от всех налогов и повинностей. Казаки, из тех, которые служат польскому королю, тоже набраны и на вербованы из Руси, Волыни и Подолии; они владеют многими вольностями и привилегиями, поэтому тоже обязаны отправляться туда, куда им прикажут...»

Он прервал работу и откинулся на спинку походного кресла.

«Увидит ли когда-нибудь свет это твоё летописание? – с тоской подумал он. – Стоит ли оно того, чтобы обрести очертания и дух книги и оказаться на полке рядом с трудами античных авторов, а также Шекспира, Венсана...¹¹ Кто знает, вдруг тебе вообще не следовало браться за это?»

Смущало Шевалье и то, что, как ему стало известно, военной славой и бытом казаков настойчиво интересуется другой француз, инженер де Боплан. Но Боплан длительное время живет в Украине и даже построил почти рядом с Сечью крепость. Ему легче. Если книгу¹² Боплана и постигнет неудача, то на этой земле останутся десятки возведенных им крепостей и замков, которыми инженер восславит не только себя, но и все искусство французских фортификаторов. Древнее искусство, которому завидуют мастера многих стран.

«А что оставишь миру ты, бродячий историограф и философ? Но, с другой стороны, у тебя нет выбора, – жестко внушил себе Шевалье. – Ведь понятно, что тебе не дано – тебе уже вообще не дано – когда-либо создать проект крепости или замка, поразить Париж трагедией, за право постановки которой передерутся лучшие театры Европы; возглавить войско, выступившее против испанцев или осман. Единственное, что ты можешь оставить – что ты, в самом деле, пока еще способен создать и оставить после себя, – так это свои записки о Стране Скифских Могил. Но тогда какого дьявола ты пытаешься испытывать судьбу? Сиди и работай! Денно и ночью работай! И да озарит тебя звезда вечного путника».

¹¹ Вуатюр Венсан – модный в то время салонный парижский поэт, член Французской академии.

¹² Книга французского фортификатора и путешественника де Боплана «Описание Украины» впервые была опубликована в Руане (Франция) в 1650 году, то есть спустя три года после описываемых событий. Исследователи утверждают, что в более поздних своих работах Шевалье пользовался этой книгой как первоисточником, о чем свидетельствуют некоторые фактические и даже текстовые заимствования.

14

– Госпожа графиня, Коронный Карлик уже явился, он здесь, у наших ворот!

Клавдия д'Оранж чуть приподняла голову, но остальная часть тела, зажатая телами драгун-шведов, отданных ей королевой Марией Гонзагой в телохранители, все еще оставалась во власти двух предававшихся экстазу любви мужчин, и силы для того, чтобы что-либо ответить служанке, у нее уже не хватало.

– Вы слышите меня, госпожа графиня? – насторожилась служанка, и по силуэту ее, вырывающемуся на фоне занавеси из красного китайского шелка, д'Оранж проследила, как девушка вцепилась в ткань руками и даже уткнулась в нее лицом, хотя голос по-заговорщицки приглушила.

– Встреть его. Встреть и задержи, – почти простонала графиня, припадая к холодному плечу белокурого любовника, к которому была обращена лицом. Жаркое дыхание второго она слышала у себя на шее, и вцепившиеся в нее руки вот-вот должны были растерзать ее грудь. Но только одного опасалась она сейчас – как бы этот скандинавский изверг не вгрызся своими по-слоновьими белыми, крепкими зубами ей в шею.

– Все, все! – озлобленно, словно подвергшаяся нападению двух залетных самцов львица, прорычала она, пытаясь вырваться из объятий расвирепевших готландских красавцев. – Оставьте меня, иначе прикажу повесить вас в этой же спальне.

Узнав, какому унижению подверглась д'Оранж после неудавшегося покушения на Диану де Ляфер, королева сказала: «Теперь-то вам уж точно не обойтись без надежных телохранителей. Двух шведов-лейбгвардейцев вам хватит? – и, хитровато прищурившись, кокетливо, почти шепотом, добавила: – Неутомимы и молчаливы, как и подобает тело-хранителям...»

Это свое «тело-хранителям» королева произнесла с таким скабрезным подтекстом, что д'Оранж поневоле зарделась. Однако на самом деле ни очевидный смысл, ни подтекст сути этих королевских гвардейцев не соответствовали. Поскольку на самом деле они оказались хладнокровными и неутомимыми телотерзателями.

«Но ведь именно это королева, очевидно, имела в виду, – подумала д'Оранж после первой проведенной с ними ночи. – Для Ее Величества это такая же истина, как и для меня. Просто я не сразу уловила смысл сказанных ею слов».

– Да оставьте же меня, – уже не приказывала, а молила графиня. И все же сдалась, уступила, понимая, что не в состоянии погасить порыв того бешеного сладострастия, с которым норманны завершали терзание ее тела.

Наконец они оба поднялись и спокойно, не спеша, пошли в соседнюю комнатку – презрительно-безразличные к ней, ослепительно-молодые и сильные.

Графиня посмотрела им вслед глазами неудовлетворенной волчицы, неожиданно оставленной так и не подравшимися между собой молодыми самцами. Во взгляде ее было столько же тоски, сколько и алчности.

Направляясь в соседнюю комнатку к остывающей ванне, Клавдия критически осмотрела свою предательски стареющую грудь, складки жира на животе и располневшие ноги с пожелтевшими разбухшими венами.

– А ведь ты еще не рожала, – д'Оранж привыкла говорить с собой вслух. Это было обратной стороной столь оберегаемых ею одиночества и замкнутости. – Если так пойдет и дальше, в памяти аристократической Варшавы ты останешься как любовница Коронного Карлика. Только и всего. Устраивает тебя такая молва? Ни черта она тебя не устраивает, блистательная графиня д'Оранж. Но здесь тебе не Париж. В этом отстойнике азиатства не так уж много мужчин, способных содержать тебя не то что в ореоле «дамы сердца», но хотя бы в ранге

тайной любовницы. Отечество коронных карликов, – бормотала она, с блаженством погружаясь в завезенную из Пруссии медную ванну, редкостную для польской столицы роскошь.

– Он в прихожей, – заглянула в дверь служанка. Голос испуганный, глазки масляные, грудь оттопырена. Ее бы в постель этих норманнов, этих неумных телотерзателей.

– Впусти его в ночной будуар, Эльжбетта. Он знает, как вести себя, – устало пролепетала графиня. – Отстойник азиатства – вот что такое современная Варшава. Рассадник гнусных коронных карликов.

– Простите, госпожа?

– Ты не способна постичь этого, азиатка, – незло, томно, словно изысканной вежливостью, одарила ее словами д'Оранж. – Подошли бы тебе мои шведы, мерзавка?

«Мерзавке» едва исполнилось девятнадцать, и вряд ли она понимала, что скрывалось за этим ее «подошли бы тебе?».

– Что вы, госпожа графиня?! – таращит та глаза-маслины, обеими руками ощупывая свои предательски возбуждающиеся груди. – Храни меня от мужчин мать-заступница!

– Знаю, что подошли бы, мерзавка. Разве не ими, не их мужской силой, ты бредишь лунными ночами, черно завидуя мне при этом? Однако тебе не дано. А посему – пошла вон!

Д'Оранж все опротивело. Ей хотелось в Париж, в Фонтенбло, в будуар маркизы Дельпомас. От жизни, от судьбы требуется ей не так уж и много: только бы переступить границу Франции да убедиться, что под ногами благословенная земля родины – и ничего больше. Дальше все будет, как должно быть во Франции.

«Он знает, как вести себя», – сказала графиня о Коронном Карлике. Иных объяснений служанке и не понадобилось.

Графиня слышала, как тайный советник вошел в ночной будуар. Вновь, в сотый раз, осмотрел ее странное, приподнятое одним краем и прибитое к стене «полустоячее» ложе. То самое, в котором графиня предавалась нежностям с двумя, а иногда и с тремя гвардейцами, навещавшими ее задолго до «подаренных» королевой шведов, и в предназначении которого у Коронного Карлика не возникало никаких сомнений. И начал медленно раздеваться.

15

Он действительно знал, как здесь вести себя – тайный советник, в тайном будуаре графини д'Оранж. Их странные свидания продолжались уже около полугода, в основном по воскресным утрам. Иногда и дважды в неделю. Это зависело не столько от ничтожного темперамента Коронного Карлика, сколько от той информации, которая у него накапливалась.

Начались они совершенно неожиданно. Таким же довольно ранним, по аристократическим понятиям, утром. Графиня готовилась принимать ванну, когда служанка вдруг сообщила, что у ворот ожидает какой-то господин «очень маленького роста и весь в черном».

– Скажи этому «очень маленькому и всему в черном», что сегодня я не принимаю, – ответила графиня, ничуть не удивившись этому предупреждению. – Тем более, утром. Тем более, мужчин. Да еще и в черном!

Но через несколько минут растерянная Эльжбетта сообщила: несмотря на то что она дословно передала все сказанное господину в черном, он все же настоял. И теперь находится в приемной.

– Скажи этому наглецу, что я готовлюсь принимать ванну, – возмутилась графиня.

– Он знает, что вы готовитесь принять ванну, – вновь появилась служанка. – Но считает, что сначала должны принять его, а уж потом – ванну.

– Так и заявил? Сначала принять его, а потом уже ванну? Любопытно.

И все же д'Оранж насторожилась. «Что-то тут не то», – сказала себе.

– Напомни этому невоспитанному господину, что графиня д'Оранж еще никогда не принимала мужчин раньше, чем успевала принимать ванну. Уверена, что такого ответа ему окажется достаточно. Все остальное объяснят слуги, вышвыривая его за дверь.

– Так и сказать: «Мужчин – никогда раньше ванной»? – простодушно уточнила Эльжбетта, по-детски раздувая молочно-розовые щеки и шаловливо пяля глаза.

– Наверное, его это ужасно удивит.

Прошло несколько минут. Не успела д'Оранж погрузиться в ванну, как растерянная служанка-чешка с ужасом, полупшепотом уведомила ее, что «очень маленький и весь в черном» успел проникнуть в тайный будуар и с любопытством рассматривает все, что там находится.

– Какой мерзавец... – скорее удивленно, чем зло, отреагировала графиня. – С любопытством... Рассматривает... И что же?

– Ну, рассматривает... – корчила рожицу Эльжбетта.

– О ванне ты ему сказала?

– Что раньше ванну, а потом уже мужчину? Конечно. Но вы знаете, это его, кажется, совершенно не удивило. Как будто он давно знал об этом.

– Да не может такого быть! – рассмеялась графиня. Однако Эльжбетта так и не поняла всей комичности своего предположения. – Впрочем, он мог и догадываться – ты права.

– И знаете, ваше странное... пардон, необычное ложе этот «весь в черном» нашел очень удобным. Даже более приспособленным к занятию этим самым... ну, вы понимаете, чем все прочие, обычные. Так и сказал.

– Что именно?

– Слышать, – сказал «весь в черном», – это одно, а видеть – совершенно другое.

– То есть, выходит, что он знал о существовании моего ложа?! – побледнела графиня. – Этого не должно было случиться. Ну-ка, опиши еще раз его внешность.

16

Но, как ни старалась служанка, никого, подобного этому карликовому монстру, вспомнить д'Оранж так и не смогла. В круг ее варшавских знакомых наглец не входил. В Париже подобных тем более не наблюдалось.

– Чего он, черт возьми, добивается? – с похолодевшим сердцем прошептала она служанке. – Выясни, к чему этот мерзавец стремится? Неужели опорочить меня?

– Что ж тут выяснять. Конечно же он добивается свидания с вами. Пардон, приема у вашего ложа. Вот увидите, что ничего иного ни мне, ни вам он не ответит.

Клавдия рассмеялась.

– Тогда скажи ему, что графиня д'Оранж готова принять его прямо сейчас, здесь, в ванной. Так и скажи!

Однако она объявила об этом слишком громко, чтобы ранний, незванный «очень маленький и весь в черном» гость не смог расслышать ее слов.

– Я так и понял, что вы готовы принимать нас вместе – меня и ванну, – возник он на пороге. – Почему вы считаете, что столь изысканный способ приема гостя решительно не устроит меня? Вы что, действительно так считаете?

Растерянная служанка поспешила удалиться, но вдруг поймала себя на том, что почему-то панически боится этого странного человека.

– Кто вы? – почти обреченно поинтересовалась графиня, с удивлением ощущая, что несколько не стесняется присутствия этого смуглолицего гнома.

– Так вы решительно за то, чтобы принять меня прямо в ванне? – словно бы не расслышал ее вопроса «очень маленький и весь в черном». – Элемент необычности, изысканности... это, знаете ли...

– Я спросила, кто вы, – настойчиво напомнила Клавдия д'Оранж. – И не вздумайте уходить от ответа.

«Очень маленький и весь в черном» умиленно рассмеялся.

– Нет, графиня д'Оранж, – бесстрастно рассматривал ее розовеющее тело, – ничего вы не достигнете в Варшаве, если, прожив столько времени, все еще спрашиваете, кто я такой. Варшавский климат вас устраивает?

– Климат здесь отвратительный. Однако, до поры до времени, он вполне устраивает меня, – сухо отрубил графиня.

Она еще помнила страшную расправу, учиненную над ней с помощью вонючих крымских варваров Дианой де Ляфер. И не была уверена, что визит черного гнома не является продолжением этой экзекуции. В изобретательности графине де Ляфер не откажешь. Как и в жестокости. Вы сами назоветесь или же мне понадобится узнавать о вас через третьи лица?

– Не советую, графиня...

– Что вы сказали?! – взметнулись вверх взъерошенные брови Клавдии.

– Интересоваться не советую, – утомленно, буднично произнес любитель ванн свиданий. Но в его голосе не было и намека на угрозу. – В Варшаве никто не прибегает к такому способу знакомства со мной.

– Странно. В Париже – это в порядке вещей.

– В Варшаве тоже. Именно поэтому никто здесь и не интересуется мной, зная, насколько это опасно.

Графиня оглянулась на гномика. Она пыталась понять логику его фразы, его мысли. Однако лицо посетителя оставалось равнодушно-бесстрастным. Тогда д'Оранж еще не знала, что понадобится немало времени и встреч, чтобы она хоть в какой-то степени свыклась с идиотски-сумбурным способом мышления карлика. Свыклась, но так и не смирилась.

Она сидела спиной к «очень маленькому и всему в черном» и чувствовала, как его взгляд проникает в голубизну воды. Стыда она все еще не ощущала, зато появился страх. Непонятный, подсознательный.

– Я мог бы и назвать свое имя, – неожиданно изменил тактику ее странный гость. – Однако оно никого не устраивает в этом городе. Если же вы решитесь упомянуть его в разговоре с королевой, она обязательно назовет меня так, как называют все, кто только вообще решается упоминать мое прозвище, – Коронный Карлик.

Графиня вновь оглянулась. Их взгляды встретились.

– Коронный? – растерянно, невпопад переспросила она. То, что гостя называли «карликом», ее не смущало.

– Да. И всем нравится.

Графиня оценивающе окинула взглядом его приземистую, заметно располневшую фигуру. Короткие ноги, широковатые, смахивающие на женские, бедра, широкие сутулые плечи.

– А что, вполне... Если, конечно, не задумываться над смыслом определения «коронный».

– Но только над этим больше всего почему-то задумываются, – неожиданно резко возразил Коронный Карлик. – И они правы.

Так ни черта и не сообразив, д'Оранж вежливо ухмыльнулась.

– Вы намерены и дальше стоять здесь, мешая мне совершать омовение?

– Забыли добавить: «ритуальное». Что я должен сделать?

– Для начала объяснить причину своего визита.

– О Господи, это же так просто. Иногда мне хочется поделиться с кем-либо своими впечатлениями, размышлениями, сомнениями, наконец. Хотя сомнения – вы должны знать это – посещают меня крайне редко.

– И в качестве духовника вам посоветовали меня? – уже более спокойно улыбнулась д'Оранж. – Кто этот недоброжелатель?

– Не удивляйтесь, я сам избрал вас. После некоторых наблюдений и умозаключений.

– Не ошиблись?

– Сомнения, как я уже сказал, посещают меня крайне редко. Но не в вопросах, касающихся выбора женщины.

– Тогда какого дьявола стоите? Раздевайтесь, полезайте ко мне. Вода стынет.

Коронный Карлик на несколько мгновений замер. Такого поворота событий он явно не ожидал. По крайней мере, не предполагал, что существовавший между ними барьер графиня взорвет так быстро и настолько безобидно.

– Вы решительнее, чем я мог предположить, – все еще неуверенно произнес Коронный Карлик, опасаясь, как бы за этим приглашением не оказалось какого-либо подвоха. – Но и вы вряд ли предполагали, что я не откажусь от вашего приглашения.

– Уж не думаете ли вы, что я сгораю от пылкой страсти к вам? Хотя, честно признаться, до сих пор бывать в ванне с мужчиной не приходилось.

17

Он не спеша, старательно складывая одежду на приставленном для этого случая стуле, разделся и, ничуть не смущаясь откровенно любопытного, сугубо женского взгляда, погрузился в ванну напротив графини. Клавдия явно не была в восторге от телосложения этого карлика, однако сам он вел себя так, словно каждым движением своим спрашивал: «Ты именно это хотела увидеть?! Ты хотела именно этого? Так вот он я, любуйся!»

Какое-то время они так и сидели: молча, неподвижно. Растерянные и смущенные, словно впервые увидевшие друг друга голышом дети.

Появилась Эльжбетта, и также молча, стараясь смотреть куда-то в сторону, подлила им полведра горячей воды.

– Так на что же вы решились, сидя в воде рядом с оголенной француженкой: заниматься любовью, исповедоваться или просто, самым банальным образом, намерены омыwać тела свои бранные?

– Если позволите, я хотел бы заняться неистовой любовью во время священного омовения. В вашей купели это позволительно?

– Смущает слово «неистовой».

– Заложённой в нем яростью?

– Заложённой в нем самонадеянностью.

– Считайте, что словесный поединок – за вами, – ничуть не смутился Коронный Карлик. Он уже сумел совладать с минутной робостью. – Но только словесный.

– Не скажу, чтобы присутствие мужчины сделало принятие ванны менее блаженственным, – тоже опомнилась и теперь уже откровенно флиртвала д’Оранж. – Поэтому не будем терять время.

Вода оказалась достаточно прозрачной, чтобы Коронный Карлик мог видеть ее полупогруженную нижнюю часть груди, матово-белые бедра, сжатые, полусогнутые ноги.

Тело этой дородной красавицы показалось ему слишком крупным, и не то чтобы недоступным, а скорее неподвластным ему. Но от этого еще более заманчивым.

От графини не скрылось, что Коронный Карлик опять немного стушевался. И, не зная, как поступить в этой ситуации, пребывает в растерянности.

– Значит, вы против того, чтобы начинать с любовных игр? Предпочитаете исповедь? – Теперь уже пришла очередь графини откровенно поиздеваться над ним. О Коронном Карлике она до сих пор почему-то ничего не слышала. Это придавало ей нагловатой храбрости.

– Предпочитаю игры. Я всегда предпочитаю их любому другому занятию.

– Что-то я не слышала о вас. А ведь об азартных любовниках Варшава наслышана достаточно хорошо.

– О «любовном» Коронном Карлике столице еще только предстоит услышать, – скромно предсказал тайный советник. – Признаюсь, что для меня самого это совершенно новое занятие. В силу ряда не совсем понятных мне причин. По тем же причинам я чувствую себя не совсем уверенно и в вашей купели.

– Что вас смущает? Моя поза? Моя раскованность или же, наоборот, сдержанность? Здесь слишком светло и нужно зашторить окна?

– Все вместе. Но, прежде всего, меня смущает оказанная мне честь. Ведь, насколько я понимаю, до сих пор в этой ванне вместе с вами позволительно было нежиться только одному человеку. – Он выдержал паузу, достаточную для того, чтобы придать своему откровению достаточный вес, и только после этого изрек: – Ее Величеству королеве Марии Людовике Гонзаге.

В ванной было не так уж светло, чтобы ее следовало немедленно затемнить. Однако же достаточно светло для того, чтобы тайный советник мог заметить, как отчетливо, угрожающе побледнело лицо лесбийской любовницы Ее Величества. Было мгновение, когда Коронному Карлику показалось, что женщина вот-вот вцепится ему в горло. А то и с диким визгом выскочит из ванны.

– Повторите то, что вы только что сказали, – поразила она его абсолютным несоответствием своей реакции.

Ненависть и испуг в глазах Клавдии намертво смешались. Голос внезапно охрип. Волосы как-то сами собой растрепались. Если бы они были черными или седыми, она напоминала бы озерную колдунью.

18

– Появились добровольцы, господин полковник, их двое. Хотя вызвалось пятеро.

– Неужели пятеро?

– Но я выбрал двоих.

– Кто они? – сурово спросил Сирко, мельком взглянув на стоявшего в двух шагах от него князя Гяура.

В этом взгляде его угадывались укор и торжество. Еще несколько минут назад Гяур решительно усомнился, что среди казаков найдется хотя бы один, кто решился бы каким-то «хитрым образом» оказаться в плену у испанцев, дабы там вначале отказываться вообще что-либо сообщать, а потом, под каленым железом и прочими тяжкими муками, глядя в пустые глазницы смерти, наконец заговорить. Но лишь для того, чтобы сказать святую воинскую неправду.

– Плохо же вы знаете казаков, полковник, – заметил тогда Сирко. – Обычная тактика сечевиков. Бывало, что при выборе добровольцев, согласных на четвертование в плену у турок или поляков, дело доходило до сабельных потасовок за право быть избранным для этой Голгофы. Конечно, в этом просматривался кураж, но, в общем-то, человек шел на гибель, ясно осознавая, что муки его падут на алтарь казачьей славы. А еще – появлялась возможность испытать себя на том, через что прошли сотни, если не тысячи, казаков-смертников до него и конечно же пройдут после.

– Я служил в нескольких европейских армиях, – напомнил ему Гяур. – Однако ничего подобного не встречал.

– А что-то подобное казачьему войску в этих европейских армиях вы, князь Одар-Гяур, встречали? Это же... казаки! Их нельзя сравнивать ни с мамлюками, ни с янычарами, ни даже с крылатыми польскими гусарами, о которых в Польше говорят: «Если солнце начнет падать на землю, гусары задержат его остриями своих сабель. Или копий».

Но этот разговор происходил часа два назад. А теперь добровольцы уже появились, и Сирко попросил сотника назвать их.

– Десятник Варакса из моей сотни и пушкарь Ганчук из сотни Зурмаша, – сообщил Гуран.

Холм, на котором они стояли, возвышался посреди гряды осенних пожелтевших холмов, высеянных Господом в полумиле от кромки моря. Некоторые из них издали напоминали остовы разбитых штормами судов. По одну сторону этого штормового кладбища тускло поблескивали в лучах предзакатного солнца островки дюн, по другую – шатры казачьего корпуса.

– Мы не можем жертвовать двумя. Пусть останется один. У нас и так мало воинов, – обронил Гяур.

– Их всегда мало, – резко ответил Сирко. – Но останется действительно один. Кого предпочитаешь? – обратился к сотнику.

– Ганчука.

– Ганчука? Не Вараксу?

– Варакса только недавно пристал к казачьему братству. В бою он, конечно, храбр, однако хитрости казачьей в нем еще нет. Выносливости – тем более.

– Значит, Ганчук? – Сирко прекрасно знал обоих, но именно поэтому выбирать было трудно. Оказывается, бросать в погибельный бой тысячу казаков значительно легче, чем посылать на невидимую для него, полковника, смерть одного-единственного.

«Странно, – подумал Сирко, – что я открыл это для себя только сейчас».

– Но Ганчук отличный бомбардир, – вновь вмешался Гяур. – Уж пушкарей-то должны беречь в любой армии.

– Он прав, – кивнул в сторону князя Сирко. – Ганчук – бомбардир, пушкарь...

– Сколько можно выбирать? – лопнуло терпение у сотника Гурана. – Раз священник желает идти на смерть, пусть идет. Если только к утру он не убоится одного из множества выдуманных церковной братией грехов, на страхе людском замешенных.

– А кто у нас здесь священник? – удивленно уставился Сирко на сотника.

– Понятно кто. Десятник Варакса. Он же – отец Григорий.

– Неужели он действительно был священником?! Что же он до сих пор скрывал это?!

– Так ведь понимал, что в ипостаси священника во Францию его не взяли бы. Здесь нужны сабли, а не церковные кресты. Да и не желает он больше оставаться в священниках, предпочитает окончательно оказаться. Мне, как своему сотнику, он признался в этом сразу же, ну а перед остальными казак исповедуется, только когда велит душа. Видно, душа отца Григория этого пока что не желает, поскольку не так опасается грехов, как насмешек.

– Странно, – задумчиво проговорил Гяур. – В свое время я знал одного отца Григория, явно метавшегося когда-то между мечом и посохом. Неужели он все-таки оказался в корпусе наемников?

Сирко оглянулся на князя и пожал плечами.

– Много здесь всякого люда. В казаки человек приходит, как в монастырь, отрекаясь от всего мирского, блудного. Здесь он предстает очищенным от прошлого, как после Страшного суда – новый человек, под новым именем...

19

Перезвон мелодичного прикроватного колокольчика показался д'Артаньяну кличем набата.

Подхватившись, он, прежде всего, взглянул на окно, в котором малиново отражались первые проблески рассвета; потом перевел взгляд на оголенную грудь лежащей рядом девушки. Лицо Лили было покрыто вуалью из золотистых кудрей, мраморно-белая грудь все еще источала лунное сияние, вызываясь устремляясь розоватыми сосками к висевшему на стене спальни образу непорочной Девы Марии, явно обомлевшей от всего происходившего здесь в эту ночь.

«И ты, идиот, способен был уснуть рядом с этой ангельской непорочностью! – швырнул камень в свое мужское самолюбие д'Артаньян. – Ты... способен был уснуть в этой кровати. Господи боже мой! Несчастный! Сколько раз, вспоминая об этом, ты будешь покаянно проклинать себя».

Совершенно забыв о том, что именно разбудило его, д'Артаньян благоговейно уткнулся лицом в грудь девушки, и страстные, хотя и осторожные поцелуи стали первой данью тому раскаянию, которое уже начинало угнетать его, и еще долго будет томить душу – непокаянную душу бездомного, странствующего рыцаря.

Рука сонной девушки инстинктивно потянулась к нему, пальцы запутались в волосах. Д'Артаньян благодарно поцеловал Лили в шею, но проклятый колокольчик, столь своевременно пробудивший его к жизни, теперь напоминал, что звон этот был отнюдь не малиновым звоном любви.

– Госпожа баронесса! – послышался за дверью встревоженный голос начальника охраны замка Отто Кобурга. – Прибыл гонец из Людвигсхаффена! У него тревожная весть: там готовится заговор.

– В Германии, оказывается, тоже существуют заговоры?! Кто бы мог такое предположить? Просто уму непостижимо, – все еще полусонно бормотал лейтенант, поспешно одеваясь. Сообщение Кобурга он всерьез не воспринял, но решил лично побеседовать с ним, прежде чем бывшему кирасиру удастся поднять с постели свою хозяйку.

Однако Лили и так уже все слышала.

– Узнайте, что там происходит, граф, – неожиданно раздался ее спокойный, властный голос.

– Сейчас все выясню. Надо только одеться.

– Господи, да впустите же начальника охраны сюда. Так будет проще, а главное, быстрее.

– Да?! Ему это позволено? Входите, Кобург, – позвал мушкетер с послушностью дворецкого. Что из того, что ему не хочется, чтобы в спальне Лили появлялся еще один мужчина, пусть даже начальник охраны? Чтобы здесь вообще кто-либо когда-либо появлялся.

Тем не менее это не помешало д'Артаньяну еще раз, теперь уже повелевающее, крикнуть:

– Да входите же, Кобург! На этом поле брани вас ждут, как ни на каком другом.

– Как вам не стыдно, граф? – мягко усовестила его Лили.

Однако войти Отто так и не решился. Вместо себя он втолкнул гонца, парнишку-горбуна лет шестнадцати. Почти детского роста, с лошадиным, перекошенным судорогой лицом, он вполне мог явиться в эту спальню в заурядном кошмарном сне. Впрочем, то, о чем он поведал баронессе фон Вайнцгардт, тоже могло смахивать на кошмарный сон.

– Он собирается идти сюда, баронесса Лили, – мял в руках толстую, похожую на змею, плетку парнишка.

– Кто собирается, Лот? – уселась в постели баронесса, не стесняясь юного гостя.

Небесно-лазурный пенюар был упоительно легок и непозволительно прозрачен, однако это не смущало ее. Тем не менее д'Артаньян чувствовал себя признательным Кобургу, что тот не осмелился войти. Взгляд, которым окидывал охваченное небесной лазурью тело Лили горбун, граф еще мог стерпеть, как-никак мальчишка. Но взгляд самого Отто...

– Михаэль Вайнцгардт. Причем не сам, а с десятью воинами и с несколькими вооруженными слугами.

– Ты уверен, что они движутся сюда?

– И вскоре предстанут перед воротами, – тяжело дышал парнишка, которому пришлось промчаться верхом более пяти миль...

Не обращая никакого внимания на присутствие отвернувшихся мужчин, баронесса поднялась и начала спокойно облачаться в разбросанный вчера в пылу любовных игр костюм наездницы. Наблюдая за ней краем глаза, д'Артаньян вновь почувствовал себя признательным Кобургу за то, что у него хватило ума остаться по ту сторону двери. Простить любопытство парнишки-уродца было все же проще.

– Так чего они хотят? – спросил вместо баронессы лейтенант. Лот говорил на каком-то местном диалекте, но это проявлялось лишь в его произношении, и д'Артаньян прекрасно понимал, о чем идет речь. – Что означает этот странный визит, который так обеспокоил баронессу?

Лот подозрительно взглянул на незнакомого иностранца.

– Я могу говорить, баронесса Лили?

– Можешь, Лот. Меня это так же интересует, как и господина мушкетера.

– Барон Михаэль, то есть ваш кузен, решил захватить принадлежащий вам замок. Он утверждает, что покойный граф просто выжил из ума. И что все это... все, что связано с завещанием, подстроено. Замок «Вайнцгардт» был обещан ему и принадлежать должен только ему, Михаэлю Вайнцгардту. Так заявляет барон.

– Когда ты узнал об этом? – сурово спросила Лили.

– Поздно вечером. Ночью мчаться сюда не решился. Да мне и не дали бы выйти из имения.

– А сегодня на рассвете ты погнал лошадей на пастбище... Понятно. – Внешне баронесса оставалась совершенно спокойной. Она уже облачилась в костюм и отодвинула полупрозрачную оконную занавеску.

– Так все же: барон решил захватить замок силой или же каким-то образом заставить меня отказаться от Вайнцгардта в свою пользу? – как бы размышляла вслух Лили, выходя из спальни и направляясь в расположенный на этом же этаже кабинет, где обычно принимала гостей. Волосы баронесса расчесывала на ходу. Более тщательно заняться своим туалетом решила попозже, сейчас ей было не до этого.

Д'Артаньян, Лот и присоединившийся к ним Отто Кобург последовали за баронессой.

– Барон фон Вайнцгардт знает, что у замка расположился обоз с охраной? – на ходу поинтересовался мушкетер, как только они оказались в кабинете и Лили села за свой стол. Военный совет замка в сборе. Настало время подумать, что предпринимать дальше.

– Нет, – ответил парнишка. – По-моему, нет. Но повозки стоят на склоне, почти у ворот, поэтому барон заметит их еще издали.

– А ты сообразительный парень.

Кобург метнулся в коридор, прокричал что-то в окно или с балкона и, вернувшись через две-три минуты, доложил:

– Обоз уведут в рощу за северный склон. Морды лошадей стянут повязками. Вряд ли Михаэлю придет в голову, что у замка разбило лагерь целое войско.

– О, нет, лейтенант, с бароном фон Вайнцгардтом я справлюсь сама, – бросила Лили. – Я не хочу, чтобы в нашу вражду вмешивались иностранцы.

Д'Артаньян и Кобург переглянулись: «Она действительно считает, что французы не вправе вмешиваться даже тогда, когда люди барона Михаэля силой попытаются установить свою власть над замком?»

– У меня шестеро воинов, – перехватила их взгляды Лили. – Сама тоже возьмусь за меч, если только барон Михаэль не уймется.

– Он никогда не уймется, – решился вставить свое слово Лот. – Я слышал, с какой ненавистью он говорил о вас.

– Кобург, награди этого паренька, – приказала Лили. – Много людей видело, как он вошел в замок?

– Никто. Мой дозорный встретил его у подножия плато. Я наслышан об угрозах барона фон Вайнцгардта и старался предупредить его набег.

– Вот как? Почему же до сих пор молчал?

– Не хотел нарушать ваше спокойствие.

– Награди Лота и выведи через тайный выход к реке. Там его никто не заметит.

– Не надо выводить меня, – запротестовал пастух. – Позвольте остаться в замке. Я буду служить вам, баронесса. Денег не нужно, лучше дайте мне лук. В Людвигсхаффене все знают, как метко я стреляю, когда мне это позволяют.

– Что ты скажешь на это, Кобург? – вопросительно взглянула на управителя замка Лили.

– Он действительно хорошо стреляет, – подтвердил Отто. – Об этом знают многие. Парнишка получит и деньги, и лук. Станет ли он во время нападения стрелять в людей своего бывшего хозяина – это его дело.

– Как-никак, у Михаэля около двадцати воинов, – задумчиво произнесла Лили, и трудно было определить, имеет ли сказанное какое-то отношение к луку, предназначенному для Лота. – Среди них – несколько очень опытных. Это немалая сила.

– Я немедленно предупрежу капитана Стомвеля, – молвил д'Артаньян. – Пусть приготовится. Сам с двумя мушкетерами останусь в замке.

– Не смею прерывать ваш визит в замок Вайнцгардт, господин граф, – сухо молвила баронесса. Д'Артаньян не узнавал ее: в словах, облике девушки, самой манере поведения появилось что-то сурово-холодное и явно неженское. – Однако обоз должен покинуть пределы моих владений. Я не желаю, чтобы в конфликте, возникшем между двумя представителями рода Вайнцгардтов, были замешаны французские подданные. Это даст местному маркграфу повод для вмешательства в наши родовые распри.

– Простите, баронесса, но это невозможно, – столь же официально возразил лейтенант королевских мушкетеров. – Если из-за стычки моих солдат с людьми барона у стен вашего замка вспыхнет война между Францией и Германией, это в Париже еще смогут понять. Но кто в Пале-Рояле и Лувре способен будет понять, по какому праву мушкетеры решились оставить на растерзание противника замок, который до этого дал им приют? Единственное, что я могу обещать: мы не станем вмешиваться до тех пор, пока кто-то из людей барона не совершит нападения на француза. Но если это произойдет, в чем я совершенно не сомневаюсь, – ухмыльнулся себе в усы д'Артаньян, – то пусть простят нас все боги и валькирии вашей благословенной Валгаллы.

20

– Повторите то, что вы только что сказали, – уже более решительно потребовала графиня д’Оранж, со страхом и ненавистью глядя на того, кого так неосмотрительно приютила в своей утренней ванне.

Коронный Карлик оставался мертвенно-невозмутимым. Тем не менее, выдержав определенную паузу, засвидетельствовавшую уважение к самому себе, повторил:

– Это нетрудно сделать. Я предположил, что до сих пор в святой купели графини д’Оранж позволительно было нежиться только Ее Величеству королеве Польши Марии Гонзаге. Причем предположение касается не личности вашей избранницы, а сомнительного определения «только». И еще должен предупредить, что в данном случае меня угнетает не имя соперницы, а оказанная мне честь. Быть вторым, знаете ли, это... почти как...

– Откуда вам это известно? – подалась к нему графиня. – Кто вам сказал об этом, Коронный Карлик? Кто посмел? Насколько же нужно обнаглеть, чтобы вот так, о самой королеве?...

– Речь скорее идет о вас, нежели о первой даме королевства.

– Но все же, кто посмел?!

Коронный Карлик сочувственно улыбнулся. Что он мог ответить женщине, которая, прожив в Варшаве почти два года, так до сих пор и не знает, кто такой Коронный Карлик? Очевидно, надо быть очень удачливой или слишком бездумной придворной дамой, чтобы умудриться столько времени пребывать в подобном неведении. Правда, он не знал, что графиня лгала: о Коронном Карлике она конечно же слышала. Другое дело, что видела его впервые, а главное, была убеждена, что «карликом» этого тайного советника нарекли образно, имея в виду, что речь идет о коронном, то есть о государственном, королевском карлике.

– Это ложь. То, что вы только что изволили высказать здесь относительно моих отношений с королевой, – ложь. Обычные сплетни.

– Вы произносите свое «ложь» слишком страстно, наверное, поэтому довериться ему трудно. Создается впечатление, что вы не заинтересованы в том, чтобы эта «ложь» была развеена.

– Повторяю: ваше утверждение – обычная придворная сплетня. Причем, как всегда, непозволительно грязная.

– «Как всегда...» – удивленно хмыкнул Коронный Карлик, словно чувство оскорбления вообще было недоступно ему. – Отрицание этого факта делало бы вам честь. Но при одном условии: если бы в ванне находился кто угодно, кроме меня. Говоря «кто угодно», я подразумеваю: «вплоть до короля».

– Ну, уж короля-то здесь не было.

– Вот в этом я не сомневаюсь, – все так же участливо ухмыльнулся тайный советник. – Заявив, что обычно он бывает у вас по утрам, вы поставили бы меня в неловкое положение и даже ввергли в грустные размышления.

Графиня притихла. Только сейчас она начала понимать, что Коронный Карлик – один из тех незаметных, почти легендарных государственных гномиков, в руках которых сосредоточена огромная власть; один из тех тайных гномиков, которые непременно обнаруживаются в любом королевстве. При этом им не обязательно находиться при дворе и мозолить глаза придворному лакейству. Точно так же, как не обязательно быть карликами. Случай с «коронным» – чистая случайность.

«Принимая этого человека, ты забыла уроки маркизы Дельпомас, – упрекнула себя Клавдия. – А забывая уроки, с которых начинался взлет, ты обрекаешь себя на падение. Странно: по-моему, это уже твоя собственная мысль. В страхе ты становишься мудрой».

– Понимаю, – молвила она, покоренная собственной мудростью, – мне предстоит еще многое узнать: о вас, польском дворе, тайных силах...

– Не убежден, что, узнав все это, почувствуете себя увереннее и что Варшава покажется вам уютнее.

– Кто вы? Очевидно, какой-то тайный советник. Или мало кому известный банкир, ростовщик, действующий через подставных лиц...

– Скорее, советник. Вам действительно многое предстоит узнать. Еще больше познать. Да к тому же – научиться молчать.

– И против кого же вы интригуете? Против королевы? Короля? Канцлера? Всех вместе? Ведь не думаю, что пределом ваших усилий стала скромная, неприметная француженка, каких здесь немало.

– До сих пор я все же больше был похож на карлика, чем на обычного городского сумасшедшего.

– В таком случае, нам приятнее будет время от времени принимать утренние ванны вместе.

– Что не отнимет радостные минуты вожделения у Ее Величества.

– То есть вы союзник королевы? О чем совершенно не догадывается король, – и дальше осторожно прощупывала Клавдия почву, на которой должно будет произрастать их взаимное доверие. При этом она набрала в ладони воды и вылила ее на голову Коронного Карлика, давая понять, что намерена перенять инициативу не только в беседе, но и в «божественных играх в купели графини д'Оранж».

– Вы тоже союзница королевы, однако из этого не следует, что о вашем союзе не догадывается коронный гетман ¹³ граф Потоцкий, который тоже изредка соизволяет навещать вас.

В этот раз вода, которую графиня набрала в ладони, пролилась в пространство между ними.

Клавдия впервые посмотрела на Коронного Карлика с явным уважением. И не только потому, что он сумел разузнать о тайных посещениях коронного гетмана. Но и потому, что решается сообщать об этом. А ведь на обычного городского сумасшедшего он действительно не похож.

– Это только кажется, что коронный гетман и королева – враги, – объяснила она. – Точнее будет сказать, что они были таковыми до недавнего времени.

– Пока не возник вопрос о трононаследнике.

– Однако их союз остается в глубокой тайне.

– По-моему, они сами еще не догадываются, что являются союзниками, – рассмеялся Коронный Карлик.

В этот раз он набрал в ладони воды и вначале занес над головой, но потом, пощадив прическу, вылил на широкое, не совсем удачно скопированное с Нефертити, плечо Клавдии. Что поделаешь, копии не всегда удаются даже Господу. Особенно, если приходится копировать шедевр.

– Вам не кажется, что мы ведем себя, как дети?

– Но лишь до тех пор, пока находимся в вашей купели. Не так ли, графиня д'Оранж, воспитанница пансиона маркизы Дельпомас?

Если бы Коронный Карлик упомянул о пансионе в начале разговора, графиня конечно же позволила бы себе ахнуть от удивления. Теперь же она сочла подобную наивность непозво-

¹³ Коронный гетман. В польском государстве того времени – главнокомандующий регулярной армией. В годы войны в его подчинении находились также подразделения реестровых (состоящих на государственной службе) украинских казаков и народного ополчения.

лительной слабостью. В о...?дном д'Оранж ничуть не сомневалась: заведение маркизы было названо неслучайно.

– Я и не скрываю этого. Хотя... Кто в Варшаве может знать о достоинствах этого заведения?

– Вы всегда будете столь же честны со мной?

– Я была бы слишком тщеславной, если бы решила, что ваше доверие вызвано увлечением моими далеко не блистательными прелестями. Я правильно понимаю свою роль?

«Неблистательными прелестями...» – умиленно взглянул на нее Коронный Карлик. – Неужели она все еще считает, что меня привлекают ее прелести?»

– Распространив слухи о целительности, душевной целительности, – уточнил он, – своей божественной купели, вы тем самым взяли на себя определенные обязательства перед ее обожателями.

– Значит, часть ваших откровений может стать также откровениями для королевы. А какая-то часть – и для графа Потоцкого. Я и в этот раз правильно истолковала искренность ваших намерений?

– Что именно может интересовать только королеву, а что только коронного гетмана, мы с вами каждый раз будем уточнять заранее, – предупредил он. – Если же такое условие оговорено не было, да не увянут высокородные уши обоих этих господ.

– И платой мне будут только ваши захватывающие игры со мной?

– О плате позаботятся королева и гетман. Можете в этом не сомневаться. Они настолько заинтригованы сейчас совместными планами и действиями короля и канцлера, что поневоле придут к мысли: «Насилие над нашими казенными кошельками куда меньшее зло, нежели насилие над нами самими». А ведь дело идет именно к этому.

– Но до сих пор королева была союзницей Его Величества, – заволновалась графиня д'Оранж.

– Мы ведь уже выяснили: до того, как возник вопрос о наследнике трона.

21

Только сейчас графиня обратила внимание, что Коронный Карлик остается невозмутимым не только как собеседник, но и как мужчина. Это поразило ее. Никакой особой страсти присутствие здесь этого таинственного человечка у нее не вызывало. Но появилось любопытство.

Игриво раздвинув ноги, она начала медленно погружаться в ванну, опускаясь головой на мягкий подзатыльник и наплывая ногами на ноги мужчины. Руки, с неожиданной силой привлечшие Коронного Карлика к груди д'Оранж, могли принадлежать кому угодно, только не избалованной безделием салонной даме. В них была сокрыта грубая мужская сила.

Коронному Карлику это понравилось. Перепробовав утешения со многими миниатюрными паненками Варшавы и ее окрестностей, он, наконец, впервые овладел по-настоящему рослой, сильной женщиной. Именно такой, к обладанию которой всегда втайне стремился – рослой, сильной, имеющей вес в обществе, титулованной, решившейся обожать его.

До сих пор, невзирая на всю свою тайную власть, он подвергался со стороны подобных блистательных дам только насмешкам. Иногда еще устаивался сочувственных вздохов: как сожалеют тубильцы, голодно глядя на несозревший плод кокоса. Вряд ли графиня д'Оранж способна была постичь эти его тайные помыслы и страсти. Впрочем, этого от нее и не требовалось. Важно, что сбылась его мечта. Оказывается, иногда сбываются даже мечты карликов. Правда, «коронных».

Увы, влечение карлика оказалось слишком бесстрастным и недолговременным, чтобы хоть в какой-то степени поразить воображение Клавдии. Наоборот, очень скоро она ощутила полное разочарование. Утешало только то, что именно разочарования она и ждала, а значит, в ожиданиях своих не обманулась.

Однако сам Коронный Карлик никакого внимания на нее не обращал. Без тени стеснения выбравшись из божественной купели, он, распрямив плечи и широко расставив короткие кривые ноги, мужественно растирался полотенцем, которое служанка подала ему из-за приоткрытой двери.

– Кажется, вы утверждали, графиня, что никогда не бывали в этой купели с мужчиной, – победно заявил он. Само положение Коронного Карлика в обществе, осознание своей скрытой, но от этого не менее могущественной власти в государстве, приучило его в любой ситуации – даже, на первый взгляд, невыгодной, оскорбительной для него, ощущать свое превосходство. С чувством такого превосходства он и сказал то, что сказал: – Будем считать, что этот пробел мы уже заполнили.

– Будем считать, – с нескрываемым раздражением вздохнула Клавдия. – Но позволю себе заметить, господин Коронный Карлик, я говорила, что не была в ней с МУЖЧИНОЙ.

Тайный советник застыл с полотенцем в руках, бесстыдно оголив перед графиней свои достоинства. В эти мгновения им овладела такая ярость, что он готов был растерзать Клавдию здесь же, в воде. Не утопить, а именно растерзать. Тем не менее и в этой ситуации он остался верен себе. Человек, твердо знающий, что ему еще представится тысяча возможностей расправиться с этой женщиной – незаметно, без суда и палача, – как расправлялся со множеством других своих обидчиков, он и в этот раз не стал выдавать своего гнева.

– Каждому хочется оскорбить и унижить Коронного Карлика. Меня это уже не удивляет, – спокойно, с грустноватой улыбкой признался он. – Да оно и понятно: маленький беззащитный человечек. Ни одна уважающая себя женщина не откажет себе в удовольствии поиздеваться надо мной.

– Я всего лишь сказала правду, – испуганно молвила графиня. – И обязательно подумаю над тем, как лучше подготовиться к следующей встрече с вами; как готовиться к каждой последующей.

...А через несколько дней, после беседы д'Оранж тет-а-тет с королевой, в небольшом скромном дворце графини появились эти двое шведов-лейбгвардейцев – безмолвных, выносливых и неутомимых. Если д'Оранж и удивилась подарку Марии Гонзаги, то лишь в том плане, что он оказался именно таким – интимно-щедрым. Однако ломать голову над вопросом: кто нащептал королеве столь странный «презент», ей пришлось недолго. Опыт в разгадывании придворных тайн и интриг у нее уже был.

Познав наслаждения в яростных турнирах с неутомимыми норманнами, Клавдия входила в свою божественную купель удовлетворенной и расслабленной, вполне готовой к невинным играм со всесильным Коронным Карликом. В которых ее уже ничто не возбуждало, но и не раздражало.

* * *

...Однако все это было в прошлом. А сейчас служанка объявила ей, что у ворот вновь появился господин тайный советник. Долго и бездушно терзаемую двумя лейбгвардейцами-телохранителями Клавдию это сообщение не повергло ни в ужас, ни в растерянность. Прервав греховное прелюбодеяние с двумя столь же невозмутимыми партнерами, она устало бросила служанке:

– Он знает, как вести себя... мерзавка.

И отправилась в ванную. Готовиться к «божественной купели» с тем единственным, кто по-настоящему считал себя достойным ее. Хотя воспринимать всерьез его амбиции графиня д'Оранж считала недостойным себя.

22

– Перед нами – замок Аржиньи, госпожа графиня.

Диана слегка приоткрыла дверцу и всмотрелась в замшелые зеленоватые стены этого каменного творения, окаймленного четырьмя мрачными четырехгранниками башен.

– Вы уверены, что это действительно он?

– Бог отнял у меня все, кроме памяти, – мрачно заверил ее шевалье де Лумель.

С этим бродячим рыцарем Диана встретилась в заезжем дворе «Уставший путник». Де Лумель мгновенно влюбился в прелестную парижанку и сразу же попытался высказать свои чувства самыми возвышенными и благородными словами, но...

– Бросьте, рыцарь, поэт из вас получится еще менее удачливый, чем воин, – охладила его своей убийственной улыбкой графиня. Как умела делать это только она.

– У вас есть основания для подобного утверждения?...

– Еще какие! – беспардонно прервала Диана словесное излияние рыцаря, с ног до головы окатывая его уничтожающим взглядом.

Изнешенная одежда, небритое бледное лицо, которое могло принадлежать лишь человеку, давно отсчитавшему как минимум сорок пять далеко не благосклонных к нему календарей; истоптанные запыленные сапоги, измятый, с налетом ржавчины, панцирь... И вообще, если бы не рослая костлявая фигура Лумеля, он выглядел бы совершенно жалким.

– Но я... много воевал, – попытался оправдаться бродячий рыцарь. – Причем происходило все это в далеких краях. А вернувшись во Францию, обнаружил, что мой родовой особняк разрушен во время войны, имение продано, родители умерли.

– Зато теперь у вас есть повод осчастливливать встречных дам этим своим «плачем по несчастной доле», – откровенно «посочувствовала» ему графиня. О, сочувствовать и утешать она умела.

Шевалье де Лумель – как он представился графине, прежде чем разделить с ней трапезу, побледнел и даже инстинктивно потянулся к шпаге. Однако, встретившись с мрачными взглядами двух стоявших за спиной графини азиатов – Кара-Батыра и Кагира, остановился.

– Уж не знаю, были у вас когда-либо в действительности дом и поместье, пусть даже небольшое, – окончательно уничтожала его графиня. Она заметила, как шевалье потянулся к оружию, поняла его состояние и теперь расчетливо добивала своим ядовитым недоверием, пытаясь или окончательно сломить бродячего рыцаря, или же пробудить в нем мужество. Она охотно допускала любой из этих исходов. – Но если вы направляетесь в сторону замка Аржиньи, то можете присоединиться к моему королевскому кортежу.

– Всего лишь состоящему из двоих воинов? – не упустил своего случая де Лумель.

– С этой минуты – из пятерых, включая вас и двух ваших спутников.

Де Лумель путешествовал в небольшой полуразвалившейся карете, очевидно, подобранной где-нибудь на окраине города. Двух своих «воинов», один из которых служил кучером, другой оруженосцем – по твердому убеждению графини, – он нанял в тот же день и на той же свалке. Это были откровенные бродяги, имевшие весьма смутное представление не только о кодексе рыцарской чести, но и об элементарной порядочности, удерживающей христианина от примитивного мелкого воровства.

Карету де Лумеля они оставили в заезжем дворе. Воинов-бродяг графиня кое-как приодела у местного лавочника, и теперь это войско, больше напоминающее жалкие остатки цыганского табора, чем эскорт состоятельной графини, медленно приближалось к замку Аржиньи.

Диана пересела на подведенного ей Кара-Батыром коня и уже с седла осмотрела старинный, расположенный посреди небольшой каменистой равнины замок, немного напоминающий

своими внешними очертаниями ее Шварценгрюнден. Правда, Аржиньи показался ей менее воинственным и даже чуть-чуть декоративным. Невысокие стены, маленькие башенки, зелень равнины вокруг. Очевидно, для «создания воинственности» ему явно не хватало мрачного скалистого плато, подобного тому, на котором возвышались башни Шварценгрюндена.

Кортеж графини еще только спускался в долину, посреди которой общался с небесами и вечностью замок, а с привратной башни Аржиньи уже прозвучали зычные голоса труб. Еще через несколько минут подъемный мост опустился и ворота открылись. Из них выехал единственный всадник. Вороной конь, черный плащ, копна черных волос...

«Это еще что за ворон? – насмешливо прищурилась графиня, остановив коня и таким образом заставляя рыцаря как можно дольше приближаться к ней. – Ну, что ж, горделив. Еще не стар, лет, эдак, под тридцать пять. И присматривается так, словно выехал на смотрины невесты».

– Что скажете, рыцарь де Лумель? – вполголоса спросила Диана приблизившегося к ней шевалье.

– Я не знаком с этим рыцарем.

– Это уже ясно.

– Возможно, он и является владельцем замка, но...

– Когда я спросила: «что скажете?», мой недальновидный, то имела в виду отнюдь не ваше знакомство с этим господином, досточтимый шевалье.

– Честь имею приветствовать вас в своих владениях, – молвил тем временем черный рыцарь, останавливая своего вороного напротив графини. – Я, маркиз де Норвель, приглашаю вас в замок.

– Вас словно бы предупредили о моем прибытии, маркиз, – призывно улыбнулась графиня одной из тех своих ослепительно-подбадривающих улыбок, которая способна сбить с толку кого угодно.

– Если вы – графиня де Ляфер, – счел необходимым уточнить маркиз, – то можете считать, что предупредили.

Графиня даже приоткрыла рот от удивления, но, так ничего и не сказав, растерянно облизала ярко очерченные губы кончиком языка.

– Вот уж не знала, что весть о моем передвижении по департаменту Рона разносится со столь непостижимой быстротой, словно речь идет о поездке папы римского.

– Перед папой римским ворота местных замков открывались бы куда медленнее, а некоторые так и остались бы запертыми, – спокойно заверил ее де Норвель.

Грубоватое загорелое лицо его трудно было назвать красивым, однако оно хранило в себе печать чего-то бывшего и мужественного, что непременно привлекает женщин, особенно если они успели свыкнуться с мыслью, что красота мужчин заключена вовсе не в их... внешней красоте.

– Уж не знаю, что вам успели сообщить о моем путешествии к южным берегам Франции, но признаюсь, маркиз, у меня не было намерений останавливаться в вашем замке. Еще только утро, а значит, в течение дня мы успели бы проделать немалый путь. Так что, право...

– Мне прекрасно известна цель вашего путешествия, графиня де Ляфер, – довольно сухо заверил ее маркиз. – Куда бы ни направлялся путник в наших краях, дороги его так или иначе приведут к моему замку. Прошу, – указал он шпагой на ворота замка.

«Что ж, будем считать, что это к лучшему, – взглянула графиня на черный зев ворот. – Если маркизу известна моя цель, то очень скоро выяснятся и его собственные цели».

– Я права, Кара-Батыр? – спросила она так, словно все, о чем только что подумала, было произнесено вслух.

– Иногда гостеприимство страшнее откровенной вражды, – ответил тот по-татарски, зная, что графиня сумеет понять его.

– Зато я не помню случая, чтобы вражда показалась мне страшнее гостеприимства, – медленно подбирала татарские слова Диана де Ляфер.

И оба воинственно рассмеялись.

23

– Где он? – спросила графиня д’Оранж, томно усаживаясь на краю ванны.
– В вашем тайном будуаре, – почти шепотом ответила служанка.
– Зачем ты его впустила туда? Ты ведь знаешь, что проходить сюда он должен через летнюю опочивальню.

– Он сам прошел туда. Пока я докладывала вам, – объяснила Эльжбетта, испуганно тараща глаза и зачем-то надувая щеки. Возможно, ей казалось, что так она точнее сможет передать весь тот наигранный ужас, который охватил ее при появлении тайного советника в тайном будуаре мадемуазель.

– И что же он там делает? – спросила графиня таким тоном, что не услышать ее Коронный Карлик просто не мог.

– Осматривает ваше тайное ложе.

– То есть он знает о его существовании, – упавшим голосом признала Клавдия. Впрочем, она не очень-то и скрывала от Коронного Карлика, что развлекается не только с ним. Да он и сам понимал это. И наверняка догадывался, что постоянными партнерами ее стали «подаренные» королевой гвардейцы из охраны короля. И все же графиня, как могла, оберегала от него тайны своих развлечений.

– Ваше странное, пардон, необычное ложе он нашел очень удобным, – запоздало «утешила» ее служанка. – И даже более приспособленным к... ну, вы понимаете, о чем я говорю, чем обычное.

– От кого же он прослышал о моем таинственном ложе? – побледнела Клавдия, подозрительно глядя на служанку.

У той не хватило мужества отнекиваться, она лишь приподнялась на цыпочках и, до предела вытянув лебяжью шейку, испуганно повертела головой: «Не от меня!»

– Слышать – одно, – в то же мгновение появился на пороге Коронный Карлик. Как всегда, в черном дорожном плаще из толстого английского сукна, в черной шляпе, которую так и не удосужился снять. Эту свою шляпу с высокой тульей он вообще старался снимать как можно реже – что ни говори, она добавляла к его карликовому росточку несколько лишних сантиметров. – А видеть собственными глазами – совершенно другое.

– Бог свидетель: мне не хотелось, чтобы вы знали о существовании этого ложа. Но... нарушивший запрет – да не убоится увиденного.

– Из Библии? – недоверчиво поинтересовался тайный советник.

– Иногда меня и саму осеняет. Начинаю говорить библейскими текстами. Я могу надеяться, что и после нынешнего визита наши отношения не изменятся?

– Они лишь приобретут несколько иной статус или привкус, если можно так выразиться.

Клавдия бездумно промолчала. У нее еще будет время поразмыслить над тем, что именно имеет в виду Коронный Карлик.

– Сегодня вы войдете в ванну одна. Нет, никакого отношения к «привкусу» это не имеет.

Коронный Карлик провел рукой по плечу, груди Клавдии. Ему нравилась эта женщина. Иное дело, что не нравилось всякий раз наблюдать на ее плечах и груди кроваво-синюшные отпечатки крепких, напористых мужских пальцев и вдыхать запах терпкого мужского пота. Но это уже другая история.

Клавдия погрузилась в ванну, а мужчина придвинул банный стульчик, уселся рядом и, поглаживая рукой ее плечо, старался не замечать все еще источаемый им запах любовного пота.

– Хмельницкий... – он что, уже успел побывать у королевы? – как бы между прочим поинтересовался Коронный Карлик. Он знал, что накануне его визита д’Оранж обычно встре-

чается с доверенной особой Потоцкого и с королевой. За сведения, которые графиня источала вместе с ненавистным духом шведов-лейбгвардейцев, он мог быть спокойным.

– Нет, пока еще только рвется, но... к королю. Марию Гонзагу это беспокоит. Очень скоро в Украине ей понадобится надежный, влиятельный вассал. Гетман Барабаш – верный служака короля. Однако влияния и авторитета на Сечи у него нет, а значит, продержится он там у власти не дольше года.

Графиня д'Оранж роняла все это не спеша, с чувством человека, способного вершить судьбы не только отдельных людей, но и целых государств. После той, первой встречи с Коронным Карликом, она бросилась в покои королевы и честно рассказала ей обо всем, что случилось. Узнав от самой Гонзаги, что собой представляет этот варшавский гном, следующего свидания с ним графиня ждала с ужасом животного, которого тащат к жертвеннику. Она успела достаточно начитать книг и послушаться придворных легенд, чтобы не понимать, как скоро подданные, оказывавшиеся в роли посредников между столь могущественными людьми, исчезали, унося с собой клеймо лишних свидетелей.

Однако время страха прошло. Настало время осознания своей тайной власти. Нет-нет, при этом она по-прежнему помнила мудрое высказывание древних: «Когда перестаешь бояться, наступает то, чего ты боялся».

– Значит, королева намерена позвать его к себе?

– Вы же знаете, как трудно бывает ей решиться на что-либо судьбоносное или хотя бы просто... важное. К тому же она остерегается короля. В последнее время он словно ошалел.

– Когда королю терять уже нечего, а впереди только смерть, поневоле задумаешься над тем, с какой славой покинешь сей бренный мир.

24

Теперь Коронный Карлик не только передавал с помощью д'Оранж нужные королеве и Потоцкому сведения, нередко смахивающие на слегка завуалированные инструкции, но и все чаще пользовался данными, которые поставляла ему сама графиня. Клавдии это нравилось. Пока она нужна этому варшавскому гному, она в безопасности.

– А что наш коронный гетман граф Потоцкий? Как он воспринимает всю ту реальность, в которой оказался?

– Сказал, что совершенно не удивится, если до приемной короля Хмельницкий так и не дойдет. – Произнеся это, д'Оранж многозначительно взглянула на тайного советника.

Вместо ответа он задумчиво набрал в ладонь воды и медленно сливал ее на плечо графини, наблюдая за синеватой струйкой.

– Мог бы и не дойти. Но ведь нам он еще понадобится. И не только в ранге союзника. Мне хорошо известно, что к сегодняшнему дню Запорожская Сечь почти опустела. Сейчас там кормят вшей не более сотни спившихся бездомных рубак. Но если с Хмельницким и дальше вести себя так, как повел себя судья, ему ничего не останется, как упасть в ноги этим рубакам. А потом он соберет еще сотни две-три ненавистников нашей веры да кое-каких обиженных судьбой полковников, сотников и местных атаманов на сторону свою перетянет...

– И что после этого последует? – невинно поинтересовалась Клавдия, зная, что Коронный Карлик прекрасно понимает: план дальнейших действий интересует не ее, а королеву.

– Вот тогда мы и бросим против него реестровиков нового гетмана, господина Барабаша. Булаву – ее ведь, в любом случае, отрабатывать надо. Отрабатывать надобно гетманскую булавушку – вот в чем дело! Ну а мы поможем ему несколькими полками коронного войска. Тех реестровиков, которые после этой казачьей рубки в живых останутся, перебьем, причем о гетмане тоже не забудем. Так что перед новым королем, от имени которого собирается править Мария Гонзага, Украина предстанет смиренной польской провинцией, где для Польши всегда будет хватать и хлеба, и солдат.

– Но может случиться и так, – добавила Клавдия, – что, отчаявшись получить поддержку короля, полковник Хмельницкий опять вынужден будет броситься в ноги королеве, а то и Потоцкому...

– Вы очаровательная женщина, д'Оранж. Жаль, что у меня нет времени, – с тоской в голосе проговорил Коронный Карлик, поглаживая влажной ладонью по ее мокрой шее. – Иногда мне хочется купать вас, как младенца. Но... королевская служба есть королевская служба.

Графиня поняла, что такой исход – Хмельницкий у ног королевы и Потоцкого – для тайного советника был бы нежелательным. Хотя он вполне допускает его.

Уже попрощавшись с Клавдией, Коронный Карлик вдруг задержался у порога.

– Скажите, графиня, королева понимает, что, оставшись без мужа, ей придется выбирать между двумя братьями Владислава IV – Каролем и Яном-Казимиром?

– Ох, как же ей не хотелось бы представлять перед подобным выбором!

– Понятно, что не хотелось бы...

– К тому же неизвестно, как на это соперничество двух братьев посмотрят церковники.

– Это-то как раз известно, – вежливо улыбнулся Коронный Карлик. – Могу предсказать с прозорливостью пророка Иеремии. Но стоит ли мне, многогрешному, отягощать душу еще и всевозможными предсказаниями? Почему вы столь неожиданно умолкли, графиня?

– Вы ведь ждете, что я назову имя одного из претендентов?

– Жду. Чего же мне еще ждать? И вообще, ради чего я, по-вашему, притаился к вашей обители? Только не пытайтесь убедить меня, что королева не называла его.

Графиня явно замялась, однако тайный советник почувствовал, что имя она все же слышала. Или, по крайней мере, догадывается, который из двух братьев Владислава для Марии Гонзаги был бы предпочтительнее.

– Но ведь существуют и другие претенденты на трон. Разве не так?

– Напомните королеве, что в Польше она королевствует лишь до тех пор, пока королем является ее муж. Тем более что сын ее, наследник трона, погиб. К тому же, королей в Речи Посполитой, в отличие от Франции, избирают. Так что с наследниками у нас считаются так же мало, как и со вдовствующими королевами.

– Этого-то Ее Величество и боится, – робко вставила графиня. Когда Коронный Карлик входил в раж, суждения его становились настолько резкими и категоричными, что возражать ему уже было бесполезно.

– Так вот, графиня д'Оранж, напомните своей соплеменнице, что здесь – не Франция. Многие поляки и сейчас недовольны, что у трона уселась француженка, словно у нас своих, польских львиц, не хватает.

– Я это уже почувствовала.

– Но главное – шепните ей на розовое ушко, что тот из королевичей, который все же получит корону, вовсе не обязательно должен избрать себе в жены вдову брата. Скорее, наоборот, традиции нашей церкви решительно против того, чтобы брат покойного вел под венец, как у нас говорят, братовую. А уж наш благословенный примас Гнезна ¹⁴, этот старый религиозный моралистик, постарается представить новый брак королевы в том свете, в каком он выгоден тем, кто стоит за ним. А кто за ним стоит, вы знаете. Вы поняли меня, подруга королевы?

– Поняла.

– Так кого она предпочитает? – уже спокойнее, почти ласково, поинтересовался Коронный Карлик.

– Грешно говорить такое при живом-то муже. Даже думать грешно...

– Хватит! – резко прервал ее варшавский гном. – Я уже однажды просил вас, графиня, в моем присутствии о грехах и божьих чудодействах, равно, как и святотатствах, не говорить.

– Я всего лишь повторяю слова королевы.

– В таком случае, повторяйте то, что достойно повторения.

– Как мне удалось выяснить, среди избранников королевы братьев Владислава нет.

Коронный Карлик набрал в ладошку воды и пронаблюдал, как она медленно стекает между пальцев.

– Странно. И рискованно. Тем более что мне хорошо известно: Яну-Казимиру королева Мария Гонзага нравится. Как женщина... нравится, – настойчиво уточнил Коронный Карлик. В то время как брат его, Кароль, наоборот, откровенно недолюбливает супругу своего старшего брата.

– Это правда? – сразу же насторожилась графиня. – Уверяю вас, Мария даже не догадывается об этом. Да и от кого она могла узнать? С Яном-Казимиром они почти не виделись. К тому же он несколько лет провоевал на стороне Испании, против Франции.

– Превратившись со временем из воина – в узника кардинала Ришелье. Чем оказал немалую услугу ордену иезуитов, который сначала заполучил князя в качестве монаха, а потом и в качестве кардинала.

– Должна признать, что у вас довольно точные сведения.

Со слов королевы, графиня уже знала, что князь Ян-Казимир почти всю свою молодость сражался под знаменами Испании, но, в конце концов, попал в плен и по приказу кардинала

¹⁴ По польской конституции того времени, в случае смерти короля, примас церкви сам созывал сейм и до выборов нового правителя принимал руководство страной на себя. Что и было сделано главой польской католической церкви примасом Гнезною после смерти Владислава IV, наступившей 2 мая 1648 года, как раз во время начала освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого.

Ришелье содержался в Венсеннском замке. Как следует из рассказов Марии Гонзаги, его брату, польскому королю Владиславу IV, да и ей самой, стоило больших усилий добиться освобождения принца. Но вот что странно: сразу же после освобождения князь Ян-Казимир был пострижен в монахи и в течение года познавал святости иезуитского ордена в Италии, под бдительным присмотром одного из кардиналов. Через четыре года, убедившись, что князь оказался способным учеником и достойным иезуитом, его, неожиданно для польского двора, возвели в сан кардинала.

– Однако же напомним, что и его брат, князь Кароль, тоже стал кардиналом иезуитов, – напомнила графиня.

– Что свидетельствует о мудрой предусмотрительности отцов ордена, стремящихся держать в своих руках обоих претендентов на польский трон.

– Кто же из них, уже на ваш взгляд, предпочтительнее для королевы?

– Наконец-то, графиня, вы поинтересовались тем, что больше всего интересует сейчас нашу королеву.

Появилась служанка и, не произнеся ни слова, долила в ванну ведро теплой воды.

– Так кто же? – напомнила о своем интересе д'Оранж.

– Тот, кто предпочтительнее для ордена, – Ян-Казимир. Хотя и Кароль тоже не намерен просто так вот, взять и отступить от трона. В этой ситуации для Марии безразлично, что Ян-Казимир будет добиваться ее руки, в то время как Кароль спокойно может обойтись без ее присутствия у трона. Вы все поняли, графиня д'Оранж?

– Теперь да.

– «Теперь», – снисходительно хмыкнул Коронный Карлик. – Слава богу, что хоть теперь. В беседе с Ее Величеством ничего не напутаете?

Клавдия взглянула на него с явной обидой.

– Как можно?! Судьба трона решается.

Он конечно же был несправедлив по отношению к графине. Уж кто-кто, а тайный советник прекрасно знал, что д'Оранж обладает почти феноменальной способностью дословно воспроизводить разговор, по меньшей мере, недельной давности. Причем это уже было проверено. Коронный Карлик обнаружил ее способности случайно, после того как узнал, каким образом графиня воспроизвела королеве беседу с одним из людей, близких к канцлеру Оссолинскому. Не зря же канцлер тогда рассвирепел и потребовал убрать не только служаку-болтуна, но и графиню.

Со служакой все оказалось просто – имел несчастье случайно утонуть в Висле. Причем уже раз через день после того, как канцлер объявил о повышении его в должности. А вот Клавдию решили проверить с помощью Коронного Карлика, умеющего ценить любой талант. Особенно если он способен сослужить добрую службу его тайной миссии.

– Однако же судьба трона никогда не решается сама по себе. Ее всегда решают люди. В данном случае многое зависит от королевы, – твердо заявил тайный советник, оставляя «божественную купель» графини д'Оранж. – Это она должна решить и решиться. А главное, сделать это как можно скорее, иначе может оказаться настолько поздно, что в ее слугах уже никто нуждаться не будет.

– Она всегда прислушивается к вашим словам, – заверила его Клавдия.

– Тем не менее вам, графиня, хотелось бы, чтобы на ее месте оказалась другая королева – женщина, способная еще больше прислушиваться к моим словам?

– С чего вы взяли?!

– Нет? Вам бы этого не хотелось? Тогда почему вы удивляетесь, что королева прислушивается к моим словам, а не к нашептываниям примаса Гнезны или к ворчанию некоторых сенаторов?

В том, что графиню д'Оранж Всевышний наделил талантом посредника, Коронный Карлик убедился сразу же после знакомства с ней. Однако ему еще понадобилось несколько серьезных проверок, чтобы уверовать, что она к тому же приучена говорить только тогда, когда от нее требуют не молчать; и молчать тогда, когда ничего иного от нее не требуется.

«Нужно будет как-то навестить пансион этой самой маркизы Дельпомас, – сказал он себе после завершения визита к графине. – И, возможно, подумать о создании такого же пансиона в Варшаве, чьи авантюристки не уступят не только авантюристкам Парижа, но и Рима. Под патронатом все той же графини д'Оранж».

25

Погрузившись в работу, Пьер Шевалье не сразу заметил оживление, потревожившее полуденную дремотность Скифской могилы.

– Ведите сюда этого хриstopродавца! – донесся до него торжествующий голос полковника Голембского. – Пусть летописец казачества полюбуется им и «воспоет» его подвиги! – расхохотался полковник. А хохотал он обычно так, что все находившиеся неподалеку кони в страхе начинали ржать.

– Что здесь происходит? – вышел из шатра секретарь посольства.

– Кажется, вы истосковались по общению с истинными казаками? – похлопывал полковник лезвием пехотного палаша по голенищу. Его худое, почти изможденное лицо казалось еще костлявее, а желваки буквально врезались в тонкий пергамент уже основательно морщинившейся кожи. – Примите от меня этого пленника как дар самой Истории.

– Так это действительно казак или всего лишь обычный восставший крестьянин? – взглянул Шевалье на подведенного к нему приземистого, кряжистого воина с широкоскулым лицом, подернутым щедрым, степным, под потускневшую червленую медь, загаром.

– Судя по тому, что на бритой голове у него косичка, «осэлэдэць», как говорят украинцы, – уперся полковник острием палаша в живот пленника, – это все же казак. Эй, ты, – еще решительнее врезался он сталью в тело повстанца. – Ну-ка, назови себя. И отвечай на любые вопросы этого французского офицера на польской службе.

– Имя мое ты уже знаешь, полковник: казак я.

– Из каких именно казаков – запорожских, реестровых, надворных? Тебя спрашивают!

– Из запорожских. Только ты не очень храбрись, лях. Оставь свою храбрость на то время, когда наш атаман станет допрашивать тебя, – осклабился в презрительной ухмылке казак...

Полковник отвел палаш, замахнулся, но легшая на плечо рука Пьера де Шевалье заставила его сдержаться.

– Обычно они начинают говорить только после того, как с них начинают сдирать шкуру. Да и то лишь после третьего ремня, – несколько растерянно заметил стоявший за спиной пленника польский хорунжий. – Этот все же разговорчивый попался.

– Как вы его схватили? Разве был бой? – поинтересовался француз. – Для меня это важно.

– Из казачьей разведки он, – объяснил хорунжий. – А мы в засаде были, вон там, в поросшем терновником яру. Одного убили, один вернулся к своим, а под этим завалили коня, а самого его слегка ранили в ногу.

– Поспешите, если действительно желаете поговорить с ним. Когда его начнут допрашивать мои драгуны, говорить вам уже будет не о чем, – предупредил полковник.

– Я – подданный французского короля, – обратился Шевалье к пленнику. – Я не принимаю участия в боях, а только описываю то, что здесь происходит. Вы согласны уделить мне несколько минут, чтобы я смог задать два-три вопроса?

Казак молчал, исподлбья, оценивающе осматривая Шевалье. Одет он был так же, как и остальные польские офицеры, и пленник, очевидно, не верил ему.

– При этом вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Во всяком случае, никто не будет заставлять вас делать это под пытками. Для меня важно знать правду. Тем более что я совершенно не буду интересоваться тем, что является тайной вашего отряда.

– Ну, тогда ладно, спрашивайте... – неохотно, оказывая огромную услугу иностранцу, согласился пленник. – Только раскаиваться перед вами не собираюсь.

– Я сам еще ни разу в жизни по-настоящему не раскаивался, – вежливо признался Шевалье, улынувшись, как давнишнему приятелю. Хотя тотчас же стыдливо согнал эту улыбку.

Вспомнил, что перед ним человек, который буквально через несколько минут будет подвержен нечеловеческим пыткам, а затем казнен. Возможно, у него же на глазах.

«Несколько минут нашего спокойного человеческого общения – все то лучшее, что осталось у этого человека в его жизни, – объяснил себе Шевалье. – Поэтому тебе не в чем упрекать себя. Разве что попросить полковника пощадить его... Но ты обещал не вмешиваться в их дела. Таково условие твоего похода в степь».

Руки у пленника связаны не были, и, чтобы уменьшить риск, хорунжий приказал одному из драгун стать у входа и следить за каждым его движением.

26

Беседа затягивалась. Оказалось, что пленник, так и не соизволивший назвать свое имя, уже шесть лет провел на Сечи и хорошо изучил обычаи и традиции казачьих кошей. Кроме того, он был обучен грамоте и показался Шевалье довольно сметливым. Да и ответы его представлялись достаточно точными, хотя и преподносились с очень странным для обреченного чувством юмора.

– И в I III се же мне непонятно, почему вы так враждебно настроены против Польши. Ведь ее короли никогда особенно не возражали против того, чтобы казаки добывали себе славу в Крыму и на Черном море. Ваше воинское товарищество было освящено еще Сигизмундом I Старым. Сам великий Стефан Баторий пожаловал вам в качестве казачьей столицы город на Днестре, этот, как его... – пощелкал Шевалье пальцами, пытаясь вспомнить название.

– Трахтемиров... – с ироничной улыбкой на губах подсказал казак. – Вот уж осчастливил...

– ...А если Сигизмунд III и Владислав IV и предпринимали какие-то вынужденные, решительные действия против казаков, – не поддался на его провокацию француз, – так ведь действия эти, как мы уже выяснили, вынужденные. Что совершенно меняет отношение к ним.

Грустно улыбнувшись, пленник мельком оглянулся на явно заскучавшего часового, стоявшего у входа в шатер.

«Если он попытается бежать, я не стану препятствовать ему», – сказал себе при этом Шевалье, точно уловив настроение казака.

– Польские короли действительно время от времени жалуют казаков и вообще украинцев, то землями, которые всегда принадлежали украинцам то вдруг каким-нибудь городишком, который непонятно по какому праву поляки считают своим. Но ведь подобных милостей мы уже добывались и от турок, и от литовцев, татар... А знаете, в чем секрет этих королевских милостей? – пленник выдержал паузу, достаточную для того, чтобы собеседник успел подумать над разгадкой этого секрета и даже ответить, если только пожелает. – В том, что путь к королевским сердцам мы всегда прокладывали себе казачьими саблями, которыми все мы, во славу земли своей, крещенные.

– Крещенные казачьими саблями, говорите? Наверное, это очень точно подмечено.

– Если бы вдруг англичане захватили Францию, а потом милостиво позволили французам владеть не всей своей землей, а каким-либо захудалым городишком в далекой провинции, вы, господин писарь, конечно же плакали бы от умиления и бросились бы воспевать добродетель английского короля. Разве не так? И вас, естественно, возмущало бы, что какая-то девица из Орлеана поднимает народ, собирает войска и идет громить англичан...

– Вы настолько хорошо знаете историю Франции, что слышали даже об Орлеанской Деве Жанне д'Арк?! – приподнялся Шевалье, упираясь руками о столик. – Но о ней и в широко просвещенной Варшаве знают пока еще далеко не все. Где вы получали образование?

– У сельского дьяка, всего лишь у дьяка, – с улыбкой успокоил историографа пленник. – О вашей Орлеанской Деве я слышал от вашего же земляка, французского офицера Боплана. Я был реестровым казаком и почти два месяца охранял его вместе с польскими гусарами. Не пойму, правда, почему, но инженер любил беседовать со мной так же подолгу, как и вы. Кто знает, может, тоже собирается описывать, как мы, казаки, по польским представлениям, «бунтовщики и злодеи», грешим против Бога, отстаивая все то, чем Богом был наделен наш народ.

– Так, значит, вы встречались с фортификатором де Бопланом... – Вряд ли пленник сумел расслышать в его голосе те нотки разочарования и легкой зависти к коллеге по перу, которые и сам Шевалье не очень-то пытался слышать. – Что ж, и в самом деле интересный

собеседник. Могу понять господина де Боплана, могу понять... Не смею вас больше задерживать.

И как же галантно это было сказано человеку, для которого прощание с благовоспитанным французом было равнозначно прощанию с жизнью!

Шевалье вновь поднялся, на этот раз давая понять, что их беседа завершилась. Казак вновь едва заметно оглянулся. Трудно сказать, что в эту минуту отвлекло внимание часового, не расслышавшего последних слов француз. Скорее всего, он засмотрелся на то, что происходило справа от шатра. И этого было достаточно, чтобы пленник ринулся на него, мгновенно повалил на землю, ногой выбил из руки саблю и, подхватив ее, бросился к стоявшему рядом коню.

Выскочивший вслед за ним Шевалье так и не схватился за пистолет, хотя, несомненно, мог сразить казака. Вместо этого он невозмутимо проследил, как пленник вскочил в седло и понесся по склону вниз. Однако кто-то из заметивших его побег драгун выстрелил в коня.

Оказавшись на земле, казак подхватился и отбил удар напавшего на него поляка. Но долго продержаться, а тем более спастись, он уже не мог. Убив одного из поляков, он сам вскоре оказался пронзенным копьями. А еще через мгновение его голова оказалась насаженной на пику и вознесенной над польским лагерем.

«Азиаты – они и есть азиаты, – сокрушенно покачал головой Пьер де Шевалье. – Но, как бы ко мне, как историку и летописцу, со временем ни относились, воспроизводить на бумаге подобные жестокости я не стану. Пусть вся эта жестокость останется тайной Скифской Могилы. Вот только спроси себя: будет ли без всех этих кровавых жестокостей твое описание правдивым?»

27

Гяур и Сирко грелись у костра, разложенного позади шатра командира корпуса. Они ждали сотника Гяура и его смертника, но их все не было и не было. Мерно потрескивали сухие сучья костра, пламя врывалось в синеватую темень фламандской ночи, раскаляло ее и струйками чадного дыма устремлялось в поднебесную высь.

– Может, вообще нет смысла затевать всю эту операцию? – нерешительно молвил Гяур. – И стоит ли рисковать жизнью добровольца? Вряд ли испанцы поверят ему и бросятся на штурм форта. Прежде они проведут усиленную разведку.

– И увидят, что казачьего корпуса нет. А по форту, как всегда, бродят полусонные солдаты. Пойди, установи их численность. Зато ясно видно, что орудий осталось мало. Значит, часть их и в самом деле увезли под стены Дюнкерка.

Сирко мог и не говорить всего этого. План ловушки для испанской эскадры и десанта прибрежных корсаров они разрабатывали вместе, в присутствии полковника д'Ордена, нескольких сотников и коменданта форта. И все же Сирко почти повторил его, вплоть до подробностей. Очевидно, не столько для того, чтобы убедить Гяура, сколько для собственного успокоения.

Кроме всего прочего Гяур понимал, что в военной хитрости, которую они затевали, было что-то вопиюще нерыцарское. Однако высказываться в подобном духе так и не решился.

Наконец появились Гуран и Варакса. Завидев их, полковники поднялись со своих мест, отдавая дань вежливости человеку, жертвующему собой.

Гяур оказался ближе к нему, чем Сирко. Заметив, как пристально всматривается князь в его лицо, доброволец, шедший вторым, остановился напротив него.

– Что, князь, высматриваешь рану от стрелы, которую извлекли из моего тела твои норманны? Тогда, у пылающей церкви?

– Так, значит, я не ошибся? Это вы, отец Григорий?

– Мне запомнить тебя было легче, князь.

– Видите ли, я тогда не к лицу вашему присматривался, а к словам, – вспомнил Гяуру этот человек, распятый между израненным конем и колокольной.

– К словам? Странно, к каким именно?

– К правдивым, а потому почти святым.

– Разве таковые у меня случались?

– Разве нет? Вспомните: «Отче наш, великий и праведный! Воизмени гнев свой яростный на милость христианскую, спаси землю твою святокровную Украину и народ ее грешно-мученический!...»

– Так ты, оказывается, всю молитву мою помнишь?! – удивился и даже ужаснулся отец Григорий. – А ведь язычник.

– Не потому помню, что молитва, а потому, что ваша она, считай, на смертном одре молвленная.

– Получается, что вы знакомы? – подошел к ним Сирко.

– Как ни странно, уже встречались.

– Угу, понятно... – Полковник потер пальцами подбородок, взглянул на каждого из них и повернулся спиной, давая понять, что не желает мешать разговору.

– Помните нашу полемику о мече и посохе Моисея? – Гяур заметил, что разговор бывший священник начал с обращения на «ты», однако это не шокировало его.

– Это когда у запруженной трупами реки твой полк спас от гибели наше местечко, развеяв при этом отряд татар? Помню.

– Почему теперь вы все-таки избрали меч?

Отец Григорий поднял попавшую ему под ноги ветку, повертел ею и хотел было швырнуть в костер, но в последнее мгновение передумал и, еще немного повертев, опустил к своим ногам. Возможно, теперь, решаясь на муки пленника, он, как никогда раньше, обостренно осознал, что оно такое – истинное милосердие. И не только по отношению к человеку.

– После нашего спора у реки я долго думал над всем тем, что ставит нас перед выбором: меч воина или посох мессии, мощь стали или слово проповедника? Задумывался над этим и здесь, во Фландрии. Но только сегодня понял, что мудрость заключается не в том, чтобы решить, что важнее: меч или посох? А в том, чтобы соединять в душе народа мужество воина с мудростью пророка. Силу защитника – с душевной чистотой проповедника.

– Хотите сказать, что к такому выводу вы пришли только сегодня? Уже решившись стать смертником?

– Приняв это решение, я заставил себя вдруг совершенно по-иному взглянуть на многое из того, что еще вчера казалось незыблемым.

– Это чувствуется... Но почему вы отважились идти к испанцам, обрекая себя на муки?

– Задавая этот вопрос, вы забыли, князь, – обратился отец Григорий теперь уже на «вы», – что перед вами истинно верующий человек, для которого страдание за паству, за христианские души, за народ – высшая цель подражания Христу.

– Извините, вы действительно правы, – задумчиво молвил Гяур. – По странной случайности, я совершенно забыл об этом христианском каноне. Возможно потому, что вопрос был адресован казаку Вараксе, но никак не отцу Григорию.

– В таком случае, признаюсь вам, что тот, настоящий Варакса, чье имя ношу теперь, был истинным казаком. Когда мы виделись с вами в последний раз, он командовал отрядом, защищавшим мой храм. И на руках у меня, мною же отпетым, умер. Меня же кличут Роданом. Казак Григорий Родан, – открыл свою последнюю тайну новообращенный воин и, сочтя, что дань уважения любопытству князя отдана, направился к командиру корпуса. – А теперь внемлю словам твоим, полковник Сирко. Пусть будут они такими же мудрыми, как и мое толкование их. Напутствуй, куда идти и что именно должны услышать от меня враги наши.

28

Третьи сутки подряд ливень затоплял подольские низины, превращая их в русла невиданных здесь ранее рек и в болота; травянистая оболочка холмов трескалась и расползалась, уступая место пепельно-коричневым дождеточащим шрамам.

Деморализованный этим ливнем и холодом, отряд полковника Голембского отходил от степного порубежья в глубь Подолии, чтобы со временем укрыться за стенами ближайшего замка или крепости. Но в том-то и дело, что повстанцы шли за ним по пятам, днем и ночью нападая на арьергарды и места постоев. К тому же отступать полякам приходилось как раз по тем селам, которые взбунтовались, и значительное число мужиков из которых вошло в повстанческий отряд Горданюка.

– Что, господин полковник, изменило нам военное счастье? – слишком жизнерадостно для данной ситуации поинтересовался Шевалье, когда кони их едва не столкнулись мордами у ворот усадьбы местного подстаросты Зульского.

– Если уж нас предал сам Христос, то почему должны жалеть казаки? – мужественно согласился полковник. Как это ни странно, только сейчас, когда полк оказался в очень трудном положении, Шевалье сумел по-настоящему оценить рассудительность, хладнокровие и мужество этого офицера.

– Так что будем делать?

– Остановимся лагерем на этой возвышенности, сразу за каменной оградой усадьбы. С одной стороны – высокие холмы, с другой – озеро... А подстароста – мой знакомый. Здесь и дождемся конца потопа, как на Ноевом ковчеге.

– Наверное, это и есть самое разумное, что можно предпринять в столь дикой войне, – поддержал его идею Пьер де Шевалье.

– Вы, конечно, можете винить меня в том, что не погнался за повстанцами в степь, не сумел разбить их и теперь вынужден отступать...

– Увы, не собираюсь быть судьей ни вам, ни повстанцам, – прервал его Шевалье.

Он понимал, что своим присутствием сковывает действия и поступки полковника. Поневоле начнешь нервничать, зная, что рядом с тобой летописец, да к тому же – иностранец. Который сам в боях участия не принимает, но пребывает в чине майора и конечно же мыслит себя если не Ганнибалом, то уж, во всяком случае, Сципионом Африканским¹⁵. Такой, ясное дело, уверовал, что во стократ лучше знает, как следует командовать полком, чем он, полковник Голембский. К тому же еще неизвестно, что именно он потом напишет о походе.

– Уже похвально. Если это, конечно, правда. – С первого дня прибытия Шевалье в полк Голембский не скрывал, что подозревает его в сочувствии казакам и прочим повстанцам.

– Пока что меня интересуют общие исследования: кто такие казаки, кто такие татары...

– А уж кто такие поляки – так это каждому ясно, – скептически улыбнулся полковник. Ливень, наконец, поутих, однако тучи над ближайшим лесом вновь сгустились, и ветер упорно нагонял их прямо на возвышенность, на которой полковник собирался обосновать свой укрепленный лагерь. – Ну да поставим свечи по усопшим.

Встречать их вышел сам Анджей Зульский. Он стоял под проливным дождем без шапки, в одном только кафтане – располневший, рано состарившийся и безмятежно счастливый.

– Матерь Божья, неужели это вы, полковник Голембский?! Но ведь это, в самом деле, вы! Ваш полк, ваши храбрые солдаты. А мы-то думали, что сюда прорвались повстанцы. У

¹⁵ Сципион Африканский – римский полководец, нанесший решающее поражение войскам карфагенского полководца Ганнибала. После этого военная карьера Ганнибала завершилась, и он вынужден был бежать в Азию, поскольку Рим требовал у Карфагена его выдачи. Но, как ни странно, имя Ганнибала известно всему образованному миру, а вот имя его победителя такой известности не получило.

меня осталось всего двадцать надворных казаков охраны. Было сорок шесть, но остальные ушли к Горданюку. Что мне оставалось делать? Понятно, что весь дом мы забаррикадировали, вооружили всех слуг. Но сколько мы смогли бы продержаться?

– Теперь продержимся, – заверил его полковник. – Мне бы хотелось, чтобы эти голодранцы действительно прорвались сюда. Никогда еще я не был столь лютым на них, никогда не стремился истребить всех до единого. Не зря же я поклялся, что, рано или поздно, пораспинаю их, живых или мертвых, на столбах; причем так, чтобы от вашего поместья и до самого Каменца. Так и напишите, господин историограф: от усадьбы господина Зульского и до самого Каменца. И да поставим свечи по усопшим.

– Вначале мне нужно все это увидеть собственными глазами, – невозмутимо возразил де Шевалье. – Фантазиями занимаются писатели и драматурги, меня же интересуют свершившиеся деяния.

– Знаю, что именно вас интересует, знаю, – мстительно блеснул глазами полковник, когда они взошли на небольшую ротонду, полукругом опоясывающую двухэтажный особняк Зульского.

– Интересно. Поделитесь-ка своими предположениями.

– Хотите предстать перед Францией, да и всей Европой, мессией страждущего народа, сражающегося в полуазийских степях против ненавистных поработителей-поляков? Поэтому-то не победы отряда полковника Голембского вы жаждете, а победы этой разбойничьей орды.

– О, нет, это не разговор, – решительно покачал головой де Шевалье. – Поэтому сразу же «поставим свечи по усопшим», господин полковник, – ответил его же поговоркой.

29

Они сидели в углу, почти под лестницей, ведущей на второй этаж трактира, оба – одетые в порядке изношенные, а потому бесцветные морские куртки, сработанные из крепкой, да к тому же огрубевшей от соли и пота, ткани.

– Уходят, – натужно ронял слова Шкипер, лишь для видимости поднося ко рту кружку с пивом. Его собеседник, бывший моряк Гольен, много лет прослуживший на испанском флоте, знал, что в луженой гортани Шкипера разрасталась погибельная опухоль, и старался не обращать внимания на его уловки. – Они, эти, – кивнул рыбак в сторону десятника Григория Родана, – уже уходят отсюда.

– А что это за воины? Правда, что их на вербовали где-то в татарских степях?

– Как и то, что завтра их уведут под стены Дюнкерка.

– Почему ты считаешь, что их уведут, если в лагере из повозок, устроенном рядом с фортом, никаких признаков того, чтобы они куда-то собирались? – Лицо Гольена было похоже на печеное, полуизжеванное яблоко. Когда он хитровато, по-лисы ухмылялся, оно морщинилось так, что теряло всякие человекоподобные черты. Рот, нос, глаза – все терялось в глубоких складках морщин.

– Потому и не видно приготовлений, что они прирожденные воины, всю жизнь провоевавшие с турками и татарами. А те похитрее твоих испанцев.

– Почему моих? – обиженно отшатнулся Гольен. – На что ты намекаешь?

– Ну-ну, старина, – похлопал его по плечу Шкипер. – Вспомни, как тебя называют. Меня Шкипером, тебя Гольеном-Испанцем. Вот именно, Ис-пан-цем, соображаешь, что из этого вытекает?

– Разве что это дурацкое прозвище, – проворчал Гольен-Испанец, вспомнив, что только два дня назад комендант форта приказал повесить почти в самом центре поселка испанского лазутчика. – О котором давно предпочитаю не вспоминать. Испанцы... На кой дьявол мне эти идалго? И вообще, мне – что те, что другие. Говоришь, эти уже уходят? – ковырялся огрубевшим пальцем в куске распотрошенной рыбыны. – Но гарнизон-то остается. Шастают по дворам, как и шастали.

– Остается, да не весь, – как бы между прочим проворчал Шкипер. – От солдат-бомбардиров слышал, что шесть орудий из десяти тоже перебросят под Дюнкерк. Вместе с бомбардирами. И часть пехотинцев – туда же. Только делать все это будут ночью, чтобы испанцы твои не догадались, – кисло ухмыльнулся он, поглядывая на Гольена из-за кружки с пивом. – Пусть идалго думают, что гарнизон остался прежним, и не суются.

– Только не такие уж они дураки, чтобы поверить, – пытался ухмыльнуться Гольен.

– Так пусть этого спросят, – кивнул Шкипер в сторону окончательно опьяневшего Родана. Казак сидел, уже полувывалившись из кресла и сонно свесив голову на грудь.

– Кто, испанцы? – уставился на казака Гольен.

– Да хоть суд инквизиции. У этого иностранного офицера, – повысил его в чине Шкипер, – действительно есть о чем спросить.

Глаза Гольена перескакивали с казака на Шкипера, со Шкипера на казака. Он лихорадочно соображал. И не только над тем, как бы выгоднее продать казака испанцам. Но и почему этого вояку столь откровенно выдает Шкипер.

– Ты отчего это так, вдруг? – подозрительно скосился он на собеседника, стараясь не выпускать из поля зрения и Родана – словно охотник, приметивший добычу.

– На войне – или гибнут, или зарабатывают. Я предпочитаю зарабатывать. Как, впрочем, и ты. И не строй из себя обиженного моей прямоотой.

– Зачем же строить? Меня это не оскорбляет.

– В таком случае мы прекрасно поняли друг друга.

Прошло еще несколько томительных минут сомнений и раздумий.

– Мне нужно отлучиться, – решил, наконец, Гольен-Испанец. – А ты минут через пятнадцать подними этого вояку и веди в сторону казачьего лагеря. У мельницы, навстречу тебе, выйдут четверо испанцев. Пусть тебя это не пугает.

– Но ведь они же, сволочи, перепутают меня с казаком и не того захватят, а то еще и убьют.

– Там будет и пятый. Им могу оказаться я. Так что за душу свою можешь не опасаться. Деньги делим, как договорились.

– А разве мы уже договорились?

– Если я сказал, что договорились, значит, поровну.

Гольен-Испанец ушел. Выждав еще минуту-другую, Шкипер подошел к Родану.

– Ну, что, смертник лихой, нам пора? – по-польски спросил он казака.

– Пора, – кивнул тот, все еще прикидываясь совершенно охмелевшим.

– Помните, понимаете, на что идете? – с трудом подбирал польские слова Шкипер. Когда-то в его команде боцманом оказался поляк, который в любом порту старался подобрать своих, оказавшихся безработными земляков. От них он и познал язык этих славян. – Представляете себе, какие муки принимать придется?

– Так разве ж я первый? – Рослый, широкоплечий Родан резко поднялся и восстал перед худощавым, иссушенным болезнью Шкипером человеком-глыбой. – ...Не первый на смерть иду, и, да не поскупится Господь на казачью славу, не последний.

– На муки Господь всегда щедрее, чем на славу, да простится ему, как и мне, людьми и морем отвергнутому. Поверьте, я поражаюсь вашему мужеству. А у-?ж я-то научен ценить его.

– Тогда не будем больше об этом, – твердо молвил Родан, опираясь на плечо Шкипера и выходя вместе с ним на улицу.

30

Сразу за порогом, вмиг протрезвев, десятник остановился и, запрокинув голову, посмотрел на небо. Высокое, вспаханное лунными лемехами и щедро усеянное россыпью Млечного Пути, оно предстало перед ним таким же осязаемо близким и молитвенно родным, каким не раз представало там, на родине, в украинской степи.

– Ну что, топаем к мельнице, «пьянь трактирная»? – неуверенно спросил его Шкипер.

– Это не звезды, это в небесах отражаются купола святых храмов, – негромко, молитвенно вознеся руки к небесам, произнес Родан, словно бы не расслышав его вопроса. – Хотя бы в одном из них, но помолятся во спасение души бывшего святого отца Григория.

Родан молвил это по-украински, однако Шкипер все же понял его.

– Святого отца? Так вы что, были священником?!

– Почему был? Остаюсь им, – перешел отец Григорий на польский.

– Как же вы оказались тогда среди бродяг-казаков? Да еще и с оружием в руках?

– Слишком много врагов вокруг. В Украину хотел вернуться не рабом божьим, но воином его. Чтобы никакая орда не смела больше сжигать храмы моего народа.

– Но зачем же священнику сражаться? Его оружие – молитвы.

– О-о, я тоже так считал. Но, оказывается, для защиты земли праотцов наших одних только молитв мало.

– И все же я не пойму, зачем священнику становиться воином.

– А затем, что каждый священник хоть раз в жизни должен осознать себя святым.

– Искупление муками во имя Отчизны? – спросил Шкипер скорее самого себя, нежели Родана. Он вспомнил о смертельной опухоли, разъедающей его гортань и причиняющей ему все более страшную боль, и добавил: – Мне тоже пора бы подумать о таком искуплении.

Они поднялись на возвышенность, за которой, на каменистой пойме, виднелись очертания водяной мельницы. Чуть правее, за грядой небольших холмов, отделявших низину от берега моря, вечернюю темноту озаряли десятки костров, окаймляющих казачий табор.

Родан и Шкипер остановились и с минуту молча любовались охваченной пламенем долиной.

– А ведь я тоже могу подтвердить перед испанцами то, что скажете вы. Разве не так? – вдруг задумчиво произнес Шкипер. – В конце концов, речь ведь идет о чести Франции. О ее победе.

– Это вы к чему клоните?

– Стоит ли старому моряку в муках дожидаться бесславной смерти в постели, если тоже представляется случай жертвенно умереть за Отчизну?

– В муках, за Отчизну... – отрешенно согласился отец Григорий. – Знать бы, как это страшно.

– Если вы окончательно решились, я тоже пойду с вами. Хоть на пытки, хоть на костер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.